
ЕГОР РЕЙН
ПРОБУЖДЕНИЕ
КНИГА ПЕРВАЯ

Егор Рейн

Пробуждение. Книга первая

«Автор»
2026

Рейн Е.

Пробуждение. Книга первая / Е. Рейн — «Автор», 2026

Капитан Марк Северин никогда не мечтал изменить историю человечества. Ему вполне хватало собственного корабля, верной команды и свободы выбирать, куда отправиться завтра.Но иногда даже самый обычный рейс может привести туда, куда не ведёт ни один известный маршрут.Туда, где привычные законы перестают давать ответы, а каждая разгаданная тайна порождает новые вопросы.Но Вселенная хранит тайны, к разгадке которых человечество, возможно, ещё не готово.

© Рейн Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 13
Глава 3 20
Глава 4 26
Глава 5 31
Глава 6 37
Глава 7 43

Егор Рейн
Пробуждение. Книга первая

Глава 1

Обычный рейс

Будильником на «Сороке» работал Боцман, и работал с удовольствием.

– Капитан, – сказал потолок. – Четыре сорок по корабельному. До выхода из сверхсвета восемнадцать минут. Ты просил разбудить за двадцать, но две минуты я подарил тебе от себя. Не благодари.

Марк Северин открыл один глаз. В каюте было темно, тепло и тесно – ровно настолько, чтобы, не вставая с койки, дотянуться до любой стены. За одиннадцать суток перелёта он успел заново привыкнуть к этой тесноте и даже находил в ней уют.

– Я и не собирался.

– Знаю. Поэтому и предупредил.

Голос у Боцмана был негромкий, с хрипотцой, как у человека, который полжизни командовал на ветру и наконец получил возможность говорить тихо. Откуда у корабельной системы взялась эта хрипотца, Марк не знал. Она досталась ему вместе с кораблём – как царапина на шлюзовой двери и как запах чужого табака в грузовом отсеке, который выветрился только на второй год.

Он сел, нашарил ногами ботинки и спросил о главном:

– Кофе?

– Кофе Тим выпил в четыре десять. Весь. Я заварил новый, но считаю своим долгом сообщить о происшествии.

– Занеси в журнал.

– Уже. Раздел «Преступления против экипажа», запись сто четырнадцатая.

Общая зона встретила Марка вчерашним вечером: три кружки на столе, недоигранная партия на откидном экране, куртка Эймона на спинке кресла. «Сорока» была невелика – четыре каюты, грузовой отсек на четыре стандартных контейнера, технический отсек в корме, медицинский модуль размером с платяной шкаф, – и вся её жизнь так или иначе проходила через эту комнату. Здесь ели, спорили, чинили всё, что помещалось на столе, и молчали, когда говорить не хотелось. На переборке над столом висели магниты, по одному с каждой станции, где «Сорока» разгружалась. Придумала это Кира, и магниты давно выползли за пределы отведённой им панели.

Марк налил себе кофе и пошёл в рубку.

Тим Ларсен сидел в пилотском кресле так, как сидят люди, уверенные, что кресло сделано для них лично: откинувшись, закинув ногу на ногу, с кружкой на колене. Обзорные экраны были погашены. На сверхсвете смотреть снаружи не на что, и за одиннадцать суток туда никто уже и не смотрел.

– Это был мой кофе, – сказал Марк вместо приветствия.

– Это был ничей кофе. Он стоял без присмотра. – Тим не обернулся. – Доброе утро, капитан. Хочешь сэкономить семь часов и четыреста кредитов?

– Нет.

– Ты даже не дослушал.

– Мне хватило слова «сэкономить». Когда его произносишь ты, у меня начинает ныть страховой полис.

Тим всё-таки обернулся. У него было узкое насмешливое лицо и привычка улыбаться заранее – до того, как он скажет что-нибудь, от чего улыбаться расхочется всем остальным.

– Смотри. – Он вывел на экран схему: шар газового гиганта, точка станции на высокой орбите и две линии, зелёная и жёлтая. – Зелёная – как положено. Выходим, тормозим двигателями, девять часов ползём к причалу и сжигаем топлива на четыре сотни больше. Жёлтая – как делают умные люди. Проходим по касательной через верхнюю атмосферу, гасим скорость об неё и через два часа стоим у шлюза. Корпус держит, я считал.

– Боцман?

– Корпус держит, – подтвердил Боцман. – С вероятностью девяносто шесть процентов всё пройдёт именно так, как описывает Тим. Оставшиеся четыре процента я бы назвал познавательными.

– А груз?

– Груз в расчёт Тима не входил.

– Груз закреплён, – сказал Тим.

– Груз – это фильтры для обогатительных линий, – сказал Марк. – Керамика. Четыре контейнера керамики, и за каждую треснувшую пластину плачу я. Ты хочешь протащить их через перегрузку и тряску ради четырёх сотен?

– И семи часов.

– У тебя на Керне свидание?

– У меня на Керне семь часов жизни, которые я потрачу, глядя, как автоматика делает то, что я сделал бы лучше.

В этом и было всё дело, и оба это знали. Марк умел водить «Сороку»: мог проложить курс, подвести корабль к причалу и не опозориться. Тим умел на ней *летать*, а это другое. Он чувствовал корабль, как другие чувствуют лошадь или чужое настроение, и каждый час на автоматике записывал себе в убыток. Марк его понимал. Несколько лет назад, на чужом корабле и с чужим грузом, он согласился бы не дослушав.

Теперь корабль был его. Это многое меняло, и не всё – к лучшему.

– Зелёная, – сказал он.

Тим пожал плечами с видом человека, который и не ждал от мира справедливости.

– Зелёная так зелёная. Боцман, запиши: пилот предлагал.

– Раздел «Упущенные возможности», запись двести третья, – сказал Боцман. – Выход через две минуты. Рекомендую всем поставить кружки.

Объяснить, на что похож выход из сверхсвета, Марк так и не научился. Ничего не дёргалось и не гремело. Просто на секунду казалось, что оступился на ровном месте, – а потом экраны оживали, и снаружи снова был мир.

На этот раз мир состоял из газового гиганта цвета старой меди, перечёркнутого тёмными полосами бурь, из далёкого неяркого солнца и из горсти огоньков там, где на высокой орбите висела станция «Керн».

– Маяк молчит, – сказал Тим. Улыбки на его лице уже не было, руки лежали на управлении. – А, нет. Проснулся. Отвечает с опозданием в шесть секунд и врёт на полградуса.

– В лоции так и написано: врёт на полградуса, – заметил Боцман. – Поправку я учёл. Навигационные данные по этой системе последний раз обновляли семь лет назад. Советую относиться к ним как к воспоминаниям пожилого родственника: с уважением, но без доверия.

Так выглядела окраина. В центральных мирах – в Центре, как говорили здесь, – корабль вели от самого выхода: диспетчерские сети, сотни маяков, коридоры, расписанные по минутам. Здесь был один маяк, один причал и карты семилетней давности. Дальше по этому направлению значилась ещё пара таких же точек, а за ними на навигационной схеме начиналось аккуратное пустое поле с пометкой «данные отсутствуют».

Марку это, пожалуй, нравилось. Он никому в этом не признавался.

* * *

Эймона Колдера он нашёл там, где и ожидал: в техническом отсеке, на коленях перед вскрытой панелью второго контура. Эймон был широк в плечах, неторопли в и с любым механизмом разговаривал вежливо, как с человеком, от которого ждёт правды. К трубопроводу он прижимал древний контактный термощуп с треснувшим экраном.

– У тебя есть я, – сказал Боцман с потолка. В его голосе звучала усталость того, кто поднимает эту тему не в первый раз. – Сорок два датчика на этом контуре. Данные обновляются восемь раз в секунду.

– Есть, – согласился Эймон. – И я тебя очень ценю. Но щуп не умеет говорить мне то, что я хочу услышать.

– Я тоже не умею. Это моя лучшая черта.

– Вот и помолчи, раз лучшая.

Марк протянул инженеру вторую кружку. Эймон взял её не глядя, покосился на экран щупа, хмыкнул и только после этого поднял голову.

– Вышли?

– Вышли. Девять часов до причала.

– Тим хотел через атмосферу?

– Хотел.

– А ты?

– А я хочу довезти керамику.

Эймон кивнул: ответ его устроил. Он вообще редко спорил и никогда не спорил о том, что считал чужой работой. Зато о своей мог говорить долго – негромко, обстоятельно, с примерами.

– Смотри сюда. – Он постучал пальцем по кожуху. – Теплообменник. Работает. Держит норму, Боцман подтвердит.

– Подтверждаю. Параметры в допуске.

– В допуске, – повторил Эймон. – Только допуск – он как совесть: у кого-то широкий. Год назад этот узел выходил на режим за сорок секунд. Сейчас – за пятьдесят пять. Он не сломан. Он устал. Рейса три-четыре проходит точно, может, и все десять. А потом однажды решит, что с него хватит, и хорошо, если это случится у причала.

– Сколько?

– Новый – четыре тысячи, в Центре. Здесь... – Эймон посмотрел на переборку, за которой где-то впереди висел «Керн», и в этом взгляде уместилось всё, что он думал о снабжении окраинных станций. – Здесь такого нет. А если есть, то снятый с чего-нибудь, что летало ещё до моего рождения, и за семь.

– Значит, в Центре.

– Ты это говорил два рейса назад.

– Два рейса назад у нас не было четырёх тысяч.

– А сейчас есть?

Марк отпил кофе. Кофе был хороший. Боцман заваривал его лучше любого из них и не упускал случая об этом напомнить.

– Сдадим груз – посчитаем, – сказал он.

– Я не жалуюсь, – мирно ответил Эймон, возвращаясь к панели. – Я веду летопись.

* * *

Вблизи станция «Керн» была похожа на обещание, которое не сдержали.

Строили её с размахом: длинное веретено жилого корпуса, широкое кольцо причалов, фермы под три перерабатывающих модуля. Модуль поставили один. На двух пустых фермах за прошедшие годы наросло что придётся: антенны, цистерны, списанный буксир, приваренный

намертво и, судя по свету в иллюминаторах, превращённый в чьё-то жильё. Половина огней на причальном кольце не горела. Те, что горели, были разного цвета.

– Причал «Керн», я транспорт «Сорока», – сказал Марк. – Груз для обогатительного комбината, четыре стандартных контейнера. Прошу стыковку.

Эфир помолчал, потом откашлялся.

– «Сорока», вижу вас. Третий узел. Автоматика наведения у нас временно не работает, подходите по огням.

– И давно временно? – спросил Тим.

– Второй год, – ответили с причала без малейшего смущения. – Справитесь?

Тим расцвёл.

– Протокол стыковки у них такой старый, что я могу с ним только поздороваться, – сообщил Боцман. – Дальше мы друг друга не понимаем. Тим, корабль твой. И постарайся не выглядеть таким счастливым, это неприлично.

Тим не постарался. Он подвёл «Сороку» к третьему узлу вручную – по разноцветным огням, по дальномеру и по собственному чутью, – развернул её и коснулся причала так мягко, что Марк понял это только по зелёному сигналу на панели. За все сорок минут подхода пилот ни разу не пошутил. Марк давно заметил: когда Тиму по-настоящему интересно, он замолкает.

– Есть стыковка, – сказал Тим и наконец выдохнул. – Запиши, Боцман.

– Раздел «Заслуженное», – отозвался тот. – Запись девятая.

– Всего девятая?

– Я строг, но справедлив.

Кира Вайс ждала у грузового шлюза с планшетом под мышкой – собранная, застёгнутая на все застёжки, будто и не было позади одиннадцати суток в тесной коробке. На «Сороке» на ней держались медицинский модуль и вся приборная часть: датчики, сканеры, телеметрия. Сама она описывала свои обязанности короче: «всё, что надо измерять, и все, кого надо лечить». Говорила Кира мало, смотрела внимательно, и у Марка давно сложилось впечатление, что о каждом из них она знает чуть больше, чем каждый о себе рассказывал.

– Телеметрия по грузу. – Она протянула ему планшет. – Все одиннадцать суток, поминутно: температура, влажность, вибрация. Посмотри четвёртые сутки.

– А что на четвёртых?

– Коррекция курса. Вибрация в третьем контейнере на девять секунд поднялась до шестидесяти процентов от допустимой. Это единственное место во всём журнале, к которому можно придраться, если очень хочется.

– Думаешь, захочется?

– Комбинат платит по факту приёмки, а денег у них, судя по причалу, немного. – Кира пожала плечами. – Я бы на их месте попробовала.

На причале было холодно и пахло металлом, смазкой и почему-то мокрой землёй. Под высоким потолком тянулась цепочка ламп, горевших через одну. В Центре такой причал обслуживали бы машины, и Марк не встретил бы на нём ни одного человека. Здесь машины были роскошью, а люди – нет: шестеро докеров в потёртых комбинезонах стояли у стены и разглядывали «Сороку» с откровенным интересом тех, у кого мало развлечений.

Приёмщика звали Савва Дорн. Это был сухой человек с эмблемой корпорации на рукаве – той самой, которой принадлежали и комбинат, и, по сути, вся станция. Устал он не от Марка и не от «Сороки», а вообще, давно и профессионально, как устают люди, которым много лет приходится беречь чужие деньги. Он обошёл контейнеры, снял показания с пломб, долго смотрел в терминал и наконец сказал то, чего от него ждали:

– Опоздание четырнадцать часов. И по третьему контейнеру вибрация на четвёртые сутки. По договору – удержание пятнадцать процентов.

Пятнадцать процентов составляли три тысячи сто пятьдесят кредитов. Марк сосчитал это раньше, чем Дорн договорил.

– По договору окно доставки – плюс-минус сутки, – сказал он. – Пункт шесть-два. Мы в окне.

– А вибрация?

Марк молча повернул к нему планшет. Кира стояла рядом и смотрела на приёмщика спокойно и доброжелательно, как смотрит врач на пациента, который только что соврал насчёт курения.

– Девять секунд, – сказала она. – Шестьдесят процентов от порога. Порог ваш, из вашей же спецификации, страница четыре. Пломбы целы. Если хотите, вскроем любой контейнер на выбор и проверим пластины вместе. Я подожду.

Дорн посмотрел на график. Потом на Киру. Потом снова на график.

– Не нужно, – сказал он и впервые за весь разговор чуть заметно улыбнулся. – Я обязан был спросить.

– Понимаю, – сказал Марк.

Он и правда понимал. Где-то над Дорном сидел человек, который спрашивал с него за каждую тысячу, над тем – ещё один, и так до самого Центра, где эти четыре контейнера были строчкой в отчёте. Приёмщик приложил ладонь к терминалу, и двадцать одна тысяча кредитов отправилась в путь: со счёта корпорации на счёт маленького транспорта у третьего узла.

С выгрузкой вышло хуже.

– Погрузчик у нас один, – сказала бригадир докеров, грузная седая женщина по имени Ханна Брок. – То есть их два, но второй стоит с прошлого квартала. Одним мы с вами до завтра провозимся.

– А стоянка сверх шести часов... – начал Марк.

– По двойному тарифу, – кивнула она с сочувствием. – Не я придумала.

Эймон, до сих пор молча стоявший у шлюза, посмотрел на мёртвый погрузчик у стены. Потом на Ханну.

– А что с ним?

– Привод захвата. Запчасть заказали, обещали ещё в прошлом квартале.

– Можно гляну?

Ханна Брок оглядела его с ног до головы – так оглядывают незнакомца, который предложил подержать ребёнка, – и махнула рукой: гляди.

Эймон глядел сорок минут. За это время он успел снять кожух, сказать приводу что-то негромкое и, кажется, утешительное, сходить на «Сороку» за инструментом и выточить из обрезка трубы втулку взамен лопнувшей. Докеры сначала наблюдали издали, потом подошли ближе, потом стали подавать ключи. Когда погрузчик дёрнулся, загудел и поднял захват, на причале захлопали.

– Месяца на три хватит, – сказал Эймон, вытирая руки. – Потом всё равно меняйте. Он у вас не сломался, он устал.

– Сколько я тебе должна? – спросила Ханна.

– Спишите нам стоянку.

– Стоянку я спишу и так. – Она подумала. – Помидоры любишь?

* * *

К вечеру по корабельному времени грузовой отсек опустел, а на столе в общей зоне появился ящик помидоров.

Помидоры были настоящие, из станционной теплицы: неровные, разного размера, с зелёными хвостиками. Пахли они так, как не пахло ничто из корабельных запасов. Эймон принёс ящик сам и держался теперь со скромным достоинством человека, накормившего семью.

– Двадцать одна тысяча, – сказал Марк, глядя в планшет. – Пришли полностью.

– Звучит как начало хорошей новости. – Тим резал помидоры крупными кусками и солил их с той же сосредоточенностью, с какой днём стыковал корабль.

– Это она вся и была. Топливо сюда – семь четыреста. Причальный сбор, вода, воздух – тысяча триста. Страховка груза – девятьсот. Расчёт с экипажем...

– Расчёт с экипажем священен, – быстро сказал Тим.

– ...священен, – согласился Марк. – На счёт корабля остаётся две тысячи триста.

– А теплообменник стоит четыре, – сказал Эймон, ни к кому не обращаясь.

– А на счёте с этими деньгами – три шестьсот.

– Летопись продолжается.

Кира взяла кусок помидора, попробовала и на секунду прикрыла глаза. Потом спросила о деле:

– Что на бирже?

– На бирже концентрат, – ответил Боцман. – Рудный концентрат до узловой станции, один лот, двенадцать тысяч, погрузка через пять суток. Больше на бирже ничего нет. Я обновляю её каждые десять минут – исключительно из оптимизма.

– Двенадцать тысяч, – повторил Марк. – Заправка здесь на треть дороже, чем в Центре. Плюс пять суток стоянки. Мы отвезём его почти даром.

– А порожняком? – спросил Тим.

– Порожняком – в чистый убыток.

– Полгода назад такой рейс, как сегодняшний, стоил двадцать шесть, – сказал Эймон. – Я помню.

– Полгода назад не было транзитного сбора.

– А кто его ввёл-то?

– Какая разница. Одни ввели, другие ответили. Большие государства меряются пошлинами, а платит тот, у кого четыре контейнера и один теплообменник.

Тим отложил нож.

– В баре на втором ярусе, – сказал он, глядя в тарелку, – мне сегодня предлагали лёгкий груз без лишних бумаг. Недалеко. Платят вдвое против концентрата.

– Лёгкий груз без бумаг обычно оказывается тяжёлым сроком с бумагами, – сказал Марк.

– Я не говорю «берём». Я говорю, что он есть.

– Нет.

– Ты опять не дослушал.

– Дослушал. Нет.

Тим поднял на него глаза. Улыбки на его лице не было, и от этого он выглядел старше.

– На зелёной линии, капитан, мы так и будем всю жизнь возить концентрат.

– А на жёлтой однажды не довезём ничего.

Стало тихо. Гудела вентиляция. Кира смотрела на обоих поверх кружки с тем выражением, с каким смотрят на прибор, показывающий пограничные значения: ещё не тревога, но записать стоит. Марк знал, что Тим отчасти прав, и это было неприятнее всего. Он купил корабль, чтобы самому решать, куда лететь. Оказалось, что решает по большей части счёт за топливо.

– С солью попробуйте, – сказал Эймон и подвинул ящик на середину стола. – Пока вы ругаетесь, они кончатся.

Тим фыркнул первым. Напряжение не исчезло, но отодвинулось – туда, где у них хранились все недоговорённые споры, а накопилось их уже немало.

– Бригадир рассказывала, – продолжал Эймон тем же ровным голосом, – у них тут в поясе огни видят. Раз в несколько лет. Идёт буксир, а впереди огни, будто город. Подлетают ближе – камни.

– Инопланетяне, – с удовольствием сказал Тим. – Наконец-то.

– Лёд, – сказала Кира. – Свежий скол на астероиде ловит свет и бликует. Такое рассказывают на каждой второй окраинной станции, меняется только название пояса.

– Скучный ты человек, Вайс.

– Я человек, который читает отчёты. Под чужими солнцами нашли мох, водоросли и что-то похожее на медуз. И за всё время, что люди летают между звёздами, – никого, кто ответил бы на «здравствуйте». Ни города, ни черепка, ни гвоздя. Был бы там кто-нибудь, Тим, мы бы давно знали.

– А может, они не хотят с нами разговаривать, – сказал Эймон. – Я их понимаю. Я вот с вами одиннадцать суток просидел...

– Раздел «Нелестные отзывы об экипаже», – сообщил Боцман. – Запись пятьсот шестая. Этот раздел, замечу, ведётся активнее прочих.

Помидоры доели до последнего. Лот с концентратом Марк решил подтвердить утром: за ночь на бирже всё равно никто не появится.

* * *

Ночью – той условной ночью, которую на корабле назначают, приглушая свет, – Марк сидел в рубке один.

Он любил это время. Экипаж спал, станция за бортом мигала разноцветными огнями, медный бок гиганта медленно поворачивался внизу, и можно было сидеть в кресле, которое днём принадлежало Тиму, и ничего не решать.

Много лет он летал на чужих кораблях. Возил чужие грузы по чужим маршрутам, выслушивал чужие выговоры и откладывал – упрямо, понемногу, отказывая себе в том, в чём люди его возраста обычно себе не отказывают. Потом был день, когда он стоял в доке перед подержанным транспортом с казённым номером вместо имени, а продавец смотрел на него с тем сочувствием, с каким смотрят на человека, покупающего себе неприятности.

Продавец оказался прав. «Сорока» была лучшей неприятностью в его жизни.

Имя он дал ей сам, в первый же вечер. Тим потом уверял, что корабль назван в честь Боцмана – за болтливость. Боцман уверял, что в честь капитана – за привычку тащить на борт всё, что блестит. Марк не спорил ни с тем, ни с другим.

– Не спится, – сказал Боцман. Это не было вопросом.

– Считаю.

– Я тоже посчитал. Хочешь мой результат?

– Нет.

– Он такой же, как твой, только с десятыми долями.

Марк усмехнулся. Концентрат, пять суток стоянки, рейс почти без прибыли. Потом, если повезёт, нормальный груз с узловой. Теплообменник – когда-нибудь. Ничего страшного. Так жила половина независимых перевозчиков: от рейса к рейсу, от счёта к счёту, с кораблём, который кормил ровно настолько, чтобы хватало сил кормить его самого. Никто и не обещал, что свобода обойдётся дёшево.

Он уже собирался идти спать, когда Боцман сказал:

– Капитан.

Тон был другой. Марк отметил это раньше, чем понял, что именно изменилось: Боцман не шутил.

– На станционную биржу пришла заявка. Закрытая, не в общий список. Адресована нам.

– Нам – это всем, кто стоит у причала?

– Нам – это «Сороке». По регистрационному номеру.

Марк выпрямился в кресле.

– Мы здесь меньше суток.

– Одиннадцать часов. Я тоже обратил на это внимание.

– Что за груз?

– Не груз. Пассажир. Один человек.

– И сколько платят?

Боцман не ответил. Он вывел сумму на экран – видимо, решил, что вслух она прозвучит несерьёзно.

Марк пересчитал нули. Потом пересчитал ещё раз, ведя пальцем по экрану, как школьник.

– Это ошибка, – сказал он. – Лишний знак.

– Прежде чем тебя беспокоить, я запросил подтверждение. Сумма подтверждена.

За бортом медленно поворачивался газовый гигант. На причальном кольце «Керна» мигал жёлтый огонь – один из тех, что горели через раз. В общей зоне на столе стоял пустой ящик из-под помидоров, а в техническом отсеке ждал своего часа узел, который устал.

– В какой раздел записать? – спросил Боцман.

Марк посмотрел на цифру. Она не изменилась.

– Заведи новый, – сказал он. – Название придумаем потом.

Глава 2

Необычный заказ

Утром Марк положил планшет посреди стола, рядом с пустым ящиком из-под помидоров, и ничего не стал объяснять. Так было честнее: пусть каждый сначала увидит цифру сам.

Тим посмотрел первым. Он прочёл, отставил кружку и прочёл ещё раз.

– Сто восемьдесят тысяч, – сказал он. – За одного человека.

– За одного человека и его багаж.

– Это не ошибка.

– Боцман запрашивал подтверждение.

– Я не о том. – Тим откинулся на спинку кресла. – Лишний ноль – это не опечатка, Марк. Это цена. Просто нам её ещё не назвали.

Кира подтянула планшет к себе и стала читать не сумму, а то, что было под ней, мелким шрифтом. Эймон через её плечо нашёл глазами одну строчку и замер, как замирает человек, услышавший в шуме знакомый мотив.

– Половина при отходе, – сказал он.

– Девяносто тысяч, – подтвердил Марк. – Деньги уже лежат в эскроу биржи. Не обещание, не расписка – деньги. Боцман проверил.

– Проверил дважды, – уточнил потолок. – Эскроу настоящий, счёт отправителя открыт в Центре, средств на нём достаточно. Заявка закрытая, адресована нам по регистрационному номеру. Срок ответа – шесть часов. Вылет – не позднее чем через сутки. Пункт назначения – колония Предел.

Название повисло над столом. Предел был последней обитаемой точкой по этому направлению: несколько сотен человек, рудник, метеостанция и навигационная схема, за которой начиналось аккуратное пустое поле. Пятнадцать суток хода без промежуточных остановок. Дорого, далеко и, если честно, никому не нужно.

– Условия, – сказала Кира, не поднимая глаз. – Пункт четыре. «Перевозчик обязуется не подключать личный багаж пассажира к диагностическим и сканирующим системам судна и не проводить его активный досмотр». Это законно?

– Почти, – ответил Боцман. – Закон требует проверить груз на опасность. Закон не уточняет, как именно. Юристы любят такие места: в них можно жить.

– А медицинская карта пассажира?

– Приложена. Здоров, прививки в порядке, аллергий нет. Формальную проверку документов станционный терминал прошёл без замечаний.

– Терминал «Керна», – сказал Тим, – второй год принимает без замечаний и погрузчик, который не ездит.

– Поэтому я и сказал «формальную». Полная проверка по общим базам займёт время: здешние копии отстают, как и всё остальное. Если мы согласимся, я сделаю её в пути.

Эймон молча отодвинул ящик из-под помидоров, будто тот мешал думать, и посмотрел на Марка.

– Ты уже решил.

– Нет, – сказал Марк. – Я решил с ним встретиться. Это разные вещи.

– Пока что, – сказал Тим.

* * *

Заказчик назначил встречу в чайной на третьем ярусе жилого веретена. Тим пошёл с Марком, не спрашивая разрешения: просто оказался у шлюза раньше капитана, уже в куртке, и сделал вид, что так и было условлено.

Чайная оказалась одной комнатой с шестью столиками и стойкой, за которой пожилой человек в вязаной безрукавке заваривал что-то тёмное и пахучее в жестяных чайниках. Окно во всю стену выходило на газовый гигант. Медная полоса бури лежала поперёк стекла, как трещина.

Человек, который их ждал, сидел у окна и читал бумажную книгу.

Это было первое, что Марк в нём отметил, и, пожалуй, единственное необычное. Бумажные книги на окраине не водились: их не возили, потому что их некуда было ставить и незачем было везти. Всё остальное в этом человеке было обыкновенным до незаметности. Около пятидесяти лет, среднего роста, седина на висках, аккуратная короткая стрижка. Дорожная куртка хорошего качества, но не новая. Лицо, которое забываешь, отойдя от стола: правильное, спокойное, без особых примет. Если бы Марк проходил мимо, он бы его не увидел.

Человек закрыл книгу, заложив страницу пальцем, и поднялся.

– Капитан Северин. – Голос был негромкий, ровный, с хорошей дикцией человека, который много лет говорил в аудиториях или в переговорных. – Элиас Моррен. Спасибо, что пришли. И вы, – он перевёл взгляд на Тима, – пилот. Вы против.

Тим, уже открывший рот для приветствия, закрыл его.

– С чего вы взяли?

– Вы пришли без приглашения и встали так, чтобы видеть дверь. – Моррен чуть улыбнулся, без превосходства, скорее извиняясь. – Это не упрёк. На вашем месте я бы тоже был против. Садитесь, пожалуйста. Здесь хороший чай, хотя по виду не скажешь.

Чай действительно был хороший. Старик за стойкой принёс его сам, поставил на стол третью чашку и удалился с видом человека, который давно ничего не слышит, если его об этом не просят.

– Давайте я начну с того, о чём вы спросите первым, – сказал Моррен. – Почему вы. Я жду на «Керне» двадцать шесть дней. За это время к причалу подошли четыре корабля. Три принадлежат корпорации, которой принадлежит станция, и у каждого из них есть отдел, который читает списки пассажиров. Четвёртый – вы.

– Корабль с собственным отделом, который читает списки пассажиров, – сказал Марк, – называется законопослушным.

– Безусловно. Я не прошу вас нарушать закон. Я прошу вас не делать больше, чем он требует. – Моррен помолчал. – К тому же мне сказали, что ваш инженер за сорок минут починил погрузчик, который стоял с прошлого квартала. На этой станции новости расходятся быстрее, чем вода по трубам. Мне показалось, что у такого корабля всё в порядке с людьми.

– А если бы мы взяли концентрат?

– Вы бы стояли здесь пять суток и уехали без прибыли. – Он сказал это без нажима, как погоду. – Я подумал, что вам будет интересно другое предложение.

Тим поставил чашку.

– Вы много про нас знаете.

– Я двадцать шесть дней смотрел на этот причал. Я знаю про ваш корабль ровно то, что знает вся станция. И, если позволите, это пока больше, чем вы знаете обо мне. – Моррен посмотрел на Марка. – Спрашивайте.

Марк спрашивал. Моррен отвечал – коротко, внятно, иногда с неожиданной точностью, иногда не отвечая вовсе, но так, что это не выглядело уклонением. Да, он летит в Предел один. Нет, его там не ждут родственники. У него там работа – какая, он предпочёл бы не уточнять, но она не связана ни с рудником, ни с контрабандой, ни с политикой. Деньги его собственные. Никто не будет его разыскивать – «во всяком случае, никто, кто имел бы законное право задержать ваш корабль». Марк отметил эту оговорку и запомнил её.

– Багаж, – сказал он. – Пункт четыре.

– Да. – Моррен впервые за весь разговор опустил глаза. Под столом, у его ноги, стояла мягкая дорожная сумка на широком ремне, и Марк только сейчас понял, что с самого начала разговора Моррен ни разу не убрал от неё ногу. – Один предмет. Около шестидесяти сантиметров. Научный образец. Он принадлежит мне, и у меня есть все права на его перевозку. Он ничего не излучает, ничем не пахнет и пережил больше перевозок, чем ваш корабль. Вы можете убедиться в этом любыми пассивными средствами: слушать, измерять, смотреть. Я прошу только не облучать его, не подключать к вашим системам и не пытаться открыть.

– Почему?

– Потому что это условие контракта.

– Это не ответ.

– Нет, – согласился Моррен. – Это не ответ. Поэтому я и плачу столько.

Тим тихо, коротко рассмеялся, без всякого веселья.

– То есть сто восемьдесят тысяч – это доплата за вопросы, на которые вы не ответите.

– За часть вопросов, – мягко поправил Моррен. – На остальные я отвечу. Вы удивитесь, насколько скучными окажутся ответы.

Он повернулся к окну, и некоторое время они все трое смотрели, как медная буря медленно ползёт по боку гиганта.

– Можно и мне один вопрос? – спросил Моррен, не отворачиваясь от стекла. – Почему «Сорока»?

Марк этого не ожидал.

– Нравится.

– Сороки тащат в гнездо всё, что блестит. – Моррен сказал это задумчиво, словно себе. – Говорят, это глупость. А по-моему, это любопытство. Иногда блестит то, что действительно стоит взять.

Он допил чай и поставил чашку на блюдце точно в то же место, откуда её взял.

– У вас пять часов на ответ, капитан. Я буду здесь.

* * *

Обратно они шли по причальному кольцу, длинной дугой, мимо закрытых шлюзов и ламп, горевших через одну. Тим молчал до третьего узла. Потом остановился.

– Ну?

– Я думаю.

– Не думаешь. Считаешь. У тебя лицо такое, когда ты считаешь.

– Хорошо. Считаю. – Марк тоже остановился. – Девяносто тысяч сегодня. Новый теплообменник – и Эймон перестанет вести летопись. Полгода запаса на счёте. Полгода, Тим, когда я не обязан хватать концентрат за двенадцать, потому что больше на бирже ничего нет. Полгода, когда мы выбираем, куда лететь, а не топливо за нас.

– А за это всего-то нужно отвезти на край карты человека, которого нет, с ящиком, в который нельзя смотреть.

– Человек есть. Он пил чай.

– Ты понимаешь, о чём я.

Марк понимал. Он прислонился плечом к холодной переборке.

– Вчера ты хотел через атмосферу. Вчера ты принёс из бара груз без бумаг. А сегодня...

– Не надо. – Тим поднял руку. – Вот этого не надо. Я знал, что ты это скажешь. Жёлтая линия – это риск, который я вижу. Я его посчитал, я знаю, где корпус треснет, если что. Груз без бумаг – это риск, который видят все: его можно не брать. А тут... – Он мотнул головой в сторону веретена. – Я не боюсь риска, Марк. Я боюсь риска, которого не вижу. Человек платит в десять раз больше обычного. Значит, он знает о какой-то опасности, которая стоит девять десятых этих денег. И он нам её не назвал.

– Может, он просто богат и не хочет, чтобы его нашли.

– Может. Тогда почему его не должны найти?

Марк промолчал. Это был хороший вопрос, и он не знал на него ответа. Тим всегда задавал хорошие вопросы – с самой первой их общей вахты в компании, когда оба были младшими пилотами и Тим за неделю нашёл в маршрутном расписании три ошибки, которые до него никто не замечал девять лет. Ему тогда не сказали спасибо. Марк сказал. С этого, если подумать, всё и началось.

– Контракт законный, – сказал Марк медленно. – Деньги в эскроу. Пассажир здоров, документы проходят. Кира проверит багаж всем, чем можно проверить снаружи. Если хоть что-нибудь ей не понравится – мы не летим. Если в пути что-то пойдёт не так – Боцман может заблокировать его каюту, а я могу развернуть корабль. Это допустимый риск, Тим. Не нулевой. Допустимый.

– Это ты так решил.

– Это я так решил. Корабль мой.

Сказал – и сразу пожалел. Не о смысле, о тоне. Тим выдержал паузу, длинную, но не обиженную, скорее оценивающую.

– Ладно, – сказал он наконец. – Корабль твой. Решение твоё. Если ты летишь – я лечу, ты это знаешь. Но я против, и я хочу, чтобы это где-нибудь было записано.

– Записал, – сказал Боцман у них в наушниках. Оба вздрогнули: они забыли, что связь открыта. – Без раздела. Для такого у меня раздела нет.

* * *

Пассажир поднялся на борт в два часа пополудни по корабельному. Кира встретила его у грузовой рампы, с медицинской сумкой через плечо и ручным счётчиком в кармане, и подумала, что Марк описал его точно: обыкновенный. Обыкновенный до того, что от этого становилось немного не по себе.

Сумку на широком ремне Моррен нёс сам. Он не отдал её Эймону, когда тот протянул руку, но и не отдёрнул её – просто перехватил ремень удобнее и кивнул, как кивают человеку, предложившему помощь, в которой нет нужды.

– Доктор Вайс, – сказал он. – Капитан сказал, вы проверите.

– Проверю. Поставьте, пожалуйста, на стол.

Он поставил сумку на откидной столик у рампы и сам открыл клапан.

Предмет был длиннее, чем она ожидала, и проще, чем она ожидала. Вытянутый, с мягко скруглёнными гранями, чуть сужающийся к одному концу, цвета тёмного олова. Ни маркировки, ни номера, ни замка. Ни одного шва. Кира наклонилась ближе и не нашла даже следа литья или сварки: поверхность была ровной, матовой и такой однородной, будто её не сделали, а вырастили.

Эймон стоял рядом и смотрел на предмет так, как другие смотрят на огонь.

– Можно? – спросил он.

– Смотреть – сколько угодно, – сказал Моррен. – Трогать – если без инструментов.

Эймон положил ладонь на поверхность и подержал. Потом медленно провёл пальцами вдоль ребра.

– Холодный, – сказал он. – Как металл в отсеке. Обычный. – Он помолчал. – Шва нет. Совсем. Чем бы его ни делали, делали не резцом.

– Да, – сказал Моррен, и больше ничего.

Кира достала счётчик. Фон. Чистый корабельный фон, точно такой же, как у стены за спиной. Газоанализатор – ничего, кроме воздуха отсека. Термощуп – комнатная температура, ровно та, что держал Боцман. Она проверила ещё раз, с другой стороны, держа приборы на разном расстоянии, потом записала цифры в журнал и показала Марку, который всё это время стоял в проёме шлюза, сложив руки на груди.

– Ничего, – сказала она. – Совсем ничего. Это обычный кусок металла комнатной температуры, который ничего не излучает и ничем не пахнет.

– А это хорошо? – спросил Марк.

– Это то, что я могу сказать, не нарушая пункт четыре. – Кира убрала приборы. – Если ты спрашиваешь, что внутри, – я не знаю. Пассивные методы слышат только то, что объект сам о себе рассказывает. Этот не рассказывает ничего.

– Молчать умеют и бомбы, – негромко сказал Тим из глубины отсека.

– Бомбы молчат по-другому, – ответила Кира, не оборачиваясь. – У них есть химия. Здесь её нет.

Моррен закрыл клапан сумки и снова взял её на плечо.

– Можно я спрошу, где будет моё место? И – простите, если это странно, – далеко ли от него проходят силовые кабели?

Эймон посмотрел на него с внезапным профессиональным интересом.

– Метра три. За переборкой. А что?

– Хотел бы держать его подальше от всего, что гудит, – сказал Моррен. – Привычка. Спасибо.

Пассажирское место на «Сороке» было бывшей кладовой за медицинским модулем: откидная койка, шкаф, крошечный стол, своя вентиляция и отдельная гравитационная регулировка, которую Эймон поставил когда-то для перевозки рассады и которой с тех пор пользовался в основном Тим, чтобы спать при половинном весе. Моррен осмотрел бокс, поблагодарил, поставил сумку в нижний ящик шкафа и закрыл дверцу. Затем повернулся к Кире.

– Вы хотели провести осмотр.

– Короткий. Карта у вас в порядке, но я должна убедиться сама. Пятнадцать суток – долгий срок, если на борту кто-то кашляет.

Осмотр занял десять минут. Давление, пульс, сатурация, реакция зрачков – всё в пределах нормы, немного выше среднего пульс, но это бывает перед долгими рейсами. Руки не дрожали. Он сидел на краю откидной койки прямо и спокойно, не задавая вопросов и не пытаясь заполнить паузы разговором, и Кира поймала себя на том, что этого почти не случается: обычно люди на осмотре говорят, потому что не знают, куда деть смущение. Этот не смущался.

Только когда она уже убирала манжету, он спросил:

– Почему врач из Центра работает на грузовом корабле?

Она не стала спрашивать, откуда он знает, что она из Центра. Это слышно по выговору, это видно по тому, как она держит инструменты.

– Здесь лучше видно звёзды, – сказала она.

– Вы так отвечаете всем?

– Всем, кто спрашивает на десятой минуте знакомства.

Он кивнул, словно получил именно тот ответ, который ожидал, и, кажется, этим ответом остался доволен.

– Простите, – сказал он. – Я давно не разговаривал с людьми, которые сами выбрали, где им быть. Это редкость. Я забыл, как это выглядит.

Кира застегнула сумку и вышла. В коридоре она остановилась, сама не зная зачем, и некоторое время смотрела на закрытую дверь бокса. Потом пошла в рубку – сказать Марку, что пассажир здоров. Это было правдой. Вопрос был в том, всё ли это правда.

* * *

Отходили в семнадцать сорок. Тим вывел «Сороку» от третьего узла вручную – протокол наведения «Керна» за ночь так и не вылечился, – развернул её носом к пустоте и передал управление автоматике. Станция уменьшалась на кормовом экране: веретено, кольцо, разноцветные огни, приваренный буксир. Где-то в этих огнях Ханна Брок, наверное, уже ругала свой погрузчик. Медный бок гиганта медленно отплывал вниз.

Девяносто тысяч пришли на счёт «Сороки» в ту минуту, когда разошлись захваты причала. Марк видел, как сменилась цифра. Он ждал, что почувствует облегчение, и почувствовал – но не только его.

– Одиннадцать четыреста ушло на топливо, – сказал Боцман. – Остаток – восемьдесят две двести, включая наши прежние три шестьсот. Это самая большая сумма, которую я видел на этом счёте. Позволю себе предположить, что и ты.

– Позволь.

– Эймон просил передать, что теплообменник ему по-прежнему не нравится, но теперь не нравится с надеждой.

Марк фыркнул. Эймон уже сидел в мастерской с каталогом центральных поставщиков, и, если верить тишине в его отсеке, выбирал не модель, а цвет.

Он выждал полчаса, пока корабль наберёт скорость перед прыжком, и пошёл к пассажирскому боксу. Предлог у него был: проверить, всё ли в порядке у пассажира перед входом в сверхсвет. Настоящая причина была другой, и Марк не стал себе врать.

Моррен открыл сразу. Он сидел на койке с той же бумажной книгой, но, судя по закладке, за всё это время не перевернул ни одной страницы.

– Выход в сверхсвет через двадцать минут, – сказал Марк. – Ничего не почувствуете, кроме, может быть, лёгкого головокружения. Если станет плохо – скажите Боцману, он позовёт Киру.

– Спасибо, капитан.

Марк не уходил. Моррен закрыл книгу и подождал. Он умел ждать, понял Марк. Умел так, как умеют немногие: не торопя и не облегчая.

– Один вопрос, – сказал Марк. – Без пункта четыре. Просто между нами. Что будет, если его просканировать?

Моррен посмотрел на нижний ящик шкафа. Посмотрел долго, и в его лице впервые за весь день что-то сдвинулось – не тревога, не страх, а что-то похожее на честную растерянность человека, который много лет думал над одной задачей и до сих пор её не решил.

– Я не знаю, – сказал он. – И мне бы очень не хотелось выяснять это на борту вашего корабля.

Он не добавил ничего, и Марк не стал спрашивать. Он кивнул, вышел и закрыл за собой дверь.

* * *

В рубке было полутемно. Тим сидел в своём кресле, закинув ногу на ногу, и смотрел на экран, где последние огни «Керна» гасли один за другим, как окна в доме, где ложатся спать.

– Ну? – спросил он, не оборачиваясь.

– Он не знает, что будет, если его просканировать.

Тим помолчал.

– Вот теперь, – сказал он, – мне по-настоящему не нравится.

– Мне тоже.

– Но ты бы всё равно согласился.

Марк сел в капитанское кресло. Девяносто тысяч на счёте. Новый теплообменник. Полгода свободы. И гладкий холодный предмет без единого шва в нижнем ящике шкафа, за медицинским модулем, в трёх метрах от силовых кабелей.

– Да, – сказал он. – Наверное, да.

– Выход в сверхсвет через пять минут, – сообщил Боцман. – Капитан, вчера ты просил завести новый раздел и сказал, что название придумаем потом.

– Помню.

– Я придумал. «Вопросы без ответа». Запись первая: чего он боится – за себя или за нас?

Тим наконец обернулся. На его лице не было улыбки.

– Запиши вторую, – сказал он. – Почему он сам этого не знает.

Глава 3

Человек без прошлого

На третьи сутки выяснилось, что пассажир умеет играть в «узлы».

Обнаружил это Тим. Он сидел вечером в кают-компании над той самой партией, которую никто не доигрывал ещё с прошлого рейса, – Эймон тогда ушёл к теплообменнику и не вернулся, – и вслух жаловался доске на жизнь. Моррен, проходивший мимо с кружкой, остановился, посмотрел на экран и сказал:

– У вас там, в левом углу, связка из трёх. Её можно разорвать.

– Нельзя, – сказал Тим, не поднимая глаз. – Я смотрел.

– Если пожертвовать центральным узлом.

Тим посмотрел. Потом посмотрел ещё раз. Потом откинулся на спинку кресла и с подозрением оглядел пассажира с головы до ног.

– Садитесь, – сказал он. – Белыми.

Они играли до полуночи. Моррен проиграл две партии из трёх, но проигрывал так, что Тим под конец перестал шутить и начал думать над каждым ходом по минуте. Марк, заглянувший в кают-компанию перед сном, застал их обоих склонёнными над доской в одинаковых позах и подумал, что в этот момент их трудно было бы отличить: два человека, решающих задачу, которая им обоим не по зубам.

– Он играет как машина, – сказал Тим потом, в коридоре. – Нет. Неправильно. Машина играет быстро. Он играет как человек, который очень долго сидел один и разговаривал с доской.

– Это хорошо или плохо?

– Это интересно. – Тим поморщился, будто признание далось ему с трудом. – Мне это не нравится.

Моррен вообще оказался лёгким пассажиром. Он не жаловался на тесноту, ел то же, что и все, мыл за собой посуду, не дожидаясь просьб, и умел молчать за общим столом так, что это молчание никому не мешало. Иногда он спрашивал – и почти всегда что-нибудь неожиданное. У Эймона он спросил, сколько лет самой старой детали на корабле. У Киры – какое растение она взяла бы с собой на необитаемую планету, если бы можно было только одно. У Боцмана – выбирал ли тот себе голос.

– Нет, – ответил Боцман. – Голос достался мне вместе с кораблём. Я долго считал его недостатком.

– А теперь?

– Теперь считаю его характером. Это дешевле, чем менять динамики.

Моррен улыбнулся – по-настоящему, впервые за трое суток – и больше ни о чём Боцмана не спрашивал. Марк, слышавший этот разговор из рубки, поймал себя на том, что пассажир ему нравится. Это было некстати.

Потому что в то же утро Боцман закончил проверку.

* * *

– Он существует, – сказал Боцман.

Марк сидел в рубке один. Экраны были погашены, на сверхсвете смотреть было не на что, и полутьма делала разговор похожим на исповедь.

– Это уже немало.

– Это ровно столько, сколько я могу утверждать. Элиас Моррен, сорок восемь лет, гражданин Касселя – это один из центральных миров. Паспорт настоящий, выдан шесть лет назад, все защитные отметки подлинные. Медицинская карта настоящая. Налоговая запись есть, банковский счёт есть, счёт, с которого пришли деньги, принадлежит ему.

– А дальше?

– А дальше ничего. – Боцман сделал паузу, и Марк уже знал его достаточно хорошо, чтобы понять: пауза была не для эффекта, Боцман подбирал слово. – Шесть лет назад этот человек появился в базах Касселя сразу взрослым, сорока двух лет, с паспортом и счётом. До этого его нет. Ни школы, ни университета, ни работы, ни перелётов, ни штрафов за парковку катера. Ни одной записи, которая была бы старше шести лет. Кроме медицинской карты: в ней есть детские прививки, но это, как правило, переносят автоматически.

– То есть он сменил имя.

– Это самое простое объяснение. Касселю такая процедура известна, она законна. Старые записи при этом запечатываются, новые начинаются с чистого листа. Обычно её проходят свидетели по уголовным делам, люди, бегущие от семьи, и люди, у которых были основания начать сначала.

– И которые из трёх – он?

– В моих копиях баз ответа на этот вопрос нет. Если хочешь знать моё мнение – оно ничего не стоит. Я корабельная система, я не умею судить людей по лицу.

Марк долго смотрел в тёмный экран.

– А ты бы стал ему доверять?

– Я бы стал за ним наблюдать, – сказал Боцман. – Это не одно и то же. Но и не противоположное.

* * *

Марк нашёл Моррена на камбузе. Тот резал хлеб – ровными, почти одинаковыми ломтями, с аккуратностью человека, который давно живёт один и привык делать всё сам. Увидев капитана, он отложил нож и, кажется, сразу всё понял.

– Ваш ИИ закончил проверку, – сказал он. Это не было вопросом.

– Закончил.

– И нашёл, что меня нет.

– Нашёл, что вас нет больше шести лет назад.

Моррен кивнул – спокойно, как человек, услышавший давно ожидаемый диагноз.

– Садитесь, капитан. Вы имеете право спросить, и мне не хочется отвечать стоя, будто я оправдываюсь.

Они сели за маленький откидной стол. Где-то за переборкой гудела вентиляция, Тим в рубке спорил с Боцманом о поправках к курсу, и этот обыкновенный корабельный шум почему-то делал разговор легче.

– Шесть лет назад я сменил имя, – сказал Моррен. – По закону Касселя. Прежние записи запечатаны, и я не стану называть вам прежнее имя: это единственное, что у меня осталось от той процедуры, и я хотел бы это сохранить. Я не преступник, капитан. Во всяком случае, ни один суд меня таковым не признал. Я ни от кого не бегу в том смысле, который вас беспокоит: за мной не гонятся, за мою голову не назначена награда, и, когда мы прилетим в Предел, у причала не будет стоять полиция.

– Тогда от чего вы ушли?

Моррен подумал.

– От работы, – сказал он наконец. – От работы, которая закончилась плохо. Люди, с которыми я работал, решили, что о ней лучше забыть. Я с ними не согласился. Мы разошлись. – Он коротко пожал плечами. – Это бывает чаще, чем кажется. Ваша доктор, если не ошибаюсь, тоже ушла из Центра не потому, что ей там надоели звёзды.

Марк ничего не ответил. Моррен и не ждал ответа.

– Я понимаю, как это выглядит, – сказал он тише. – Человек без прошлого, большие деньги, предмет, который нельзя сканировать. На вашем месте я бы тоже проверял. Но вот что

я могу вам сказать определённо: моё прошлое не полетит за нами следом. Оно осталось там, где я его оставил.

Это звучало правдоподобно. Это звучало, если быть честным, лучше, чем Марк ожидал: внятно, без надрыва и без лишних подробностей, как и должен рассказывать о себе человек, которому нечего прятать, кроме собственного достоинства. Марк встречал таких людей. В транспортной компании их было немало – пилоты, ушедшие из армии после истории, о которой они не говорили; инженеры, сбежавшие от развода через полгалактики. Он не требовал от них биографий. Ему хватало того, что они делали свою работу.

– Спасибо, – сказал он и поднялся.

– Вам не стало спокойнее, – заметил Моррен.

– Стало. Немного.

– Это честно. – Моррен снова взял нож. – Хлеба хотите? Его, правда, пекла ваша печь, а не я, но резать я умею хорошо.

* * *

На пятые сутки Эймон обнаружил, что пассажир разбирается в металлах.

Случилось это в мастерской, куда Моррен заглянул, по его словам, «посмотреть, где живёт человек, который чинит погрузчики». Эймон, не любивший гостей в своём отсеке, собрался было отделаться парой слов, но гость не стал ничего трогать, не стал хвалить и не стал задавать глупых вопросов. Он остановился у верстака, где лежал снятый когда-то кожух старого теплообменника, и некоторое время молча разглядывал его.

– Межкристаллитная коррозия, – сказал он. – Вот здесь, у фланца. Видите сеточку?

Эймон увидел. Он её видел и раньше, но не думал, что её увидит кто-то ещё.

– Видел, – сказал он. – Сплав старый. Тогда такие варили с перекосом по хрому.

– Да. И на окраинах их не меняют, потому что новый узел стоит как половина корабля. – Моррен наклонился ближе. – Вы будете его менять?

– Как прилетим в Центр.

– Правильно.

Он сказал это просто, без нажима. Но Эймон, вспоминая потом этот разговор, не мог отделаться от ощущения, что гость сначала посмотрел не на сеточку у фланца, а на сам металл, на его излом, на структуру – так, как смотрит не механик и не покупатель, а человек, который годами изучал материалы под микроскопом.

– Вы инженер? – спросил Эймон.

– Был когда-то кем-то вроде, – сказал Моррен. – Давно. Сейчас я в основном читаю.

Вечером Эймон пересказал это Кире – коротко, в двух фразах, как пересказывал всё. Кира выслушала и нахмурилась.

– Он сказал «давно»?

– Сказал.

– А документы у него шестилетние.

– Шесть лет – это давно, – сказал Эймон. Подумал и добавил: – Для некоторых.

* * *

Вторую проверку предложил не Марк. Её предложил Боцман – на шестые сутки, ночью, когда Марк сидел в рубке с недопитым кофе и делал вид, что занят расчётами.

– Капитан. Я хочу кое-что перепроверить.

– Что именно?

– Шесть лет назад Элиаса Моррена внесли в базы Касселя. Для этого его биометрию должны были сверить с какой-то предыдущей записью: даже при смене имени система подтверждает, что новый паспорт получает тот же самый человек, а не кто-то другой. В записи о выдаче паспорта есть ссылка на такую сверку. Номер есть. Я хочу посмотреть, на что он указывает.

– Это законно?

– Номер открытый. Содержание записи, на которую он ведёт, закрыто. Но сам номер – просто номер. Это примерно как прочитать адрес на конверте, не вскрывая его.

– Смотри.

Боцман смотрел меньше минуты.

– Такой записи нет, – сказал он.

– Запечатана?

– Нет. Запечатанные записи существуют, их просто нельзя открыть. Эта не существует. Номер оформлен правильно, все контрольные знаки сходятся, но в реестре под ним ничего нет. Ни открытого, ни закрытого. Пустое место.

Марк поставил кружку.

– Может, копии устарели.

– Может. Поэтому я хочу проверить ещё кое-что. И мне понадобятся остальные.

* * *

Через двадцать минут в рубке было тесно. Тим сидел в своём кресле, растрёпанный и мрачный, как человек, которого разбудили посреди сна про отпуск. Кира стояла у переборки в накинутой поверх пижамы куртке. Эймон устроился на откидном сиденье у входа и, судя по лицу, ещё не решил, проснулся ли он вообще.

– Это просто адрес, который никуда не ведёт, – сказал Тим, выслушав. – Бывают ошибки в реестрах. Сам знаешь, у нас в компании полгода возили груз по маршруту, которого не существовало.

– Бывают, – согласился Боцман. – Поэтому я и хочу, чтобы вы посмотрели всё остальное. Я вижу данные. Я не вижу, что в них неправильно, если это неправильно не по формату, а по смыслу. Вы видите.

Он вывел на экран медицинскую карту. Кира подошла ближе и стала читать – сначала бегло, потом медленнее. Потом остановилась.

– Вот это, – сказала она. – Прививки.

– Что с ними?

– Детская серия. Двенадцать лет. Клиника Ренна, Кассель. – Она провела пальцем по строке. – Я эту клинику знаю. У нас на третьем курсе там была практика. Её открыли за год до этого. Одиннадцать лет назад. Мы ещё ходили смотреть на новое крыло.

Наступила тишина. Боцман первым посчитал вслух:

– Если ему сорок восемь и прививки сделаны в двенадцать, это было тридцать шесть лет назад. За двадцать пять лет до открытия клиники.

– Ошибка переноса? – спросил Марк. – Ты говорил, детские записи переносят автоматически.

– Переносят, – сказала Кира. – Из старой карты в новую. Но клинику не выдумывают при переносе. Её берут из старой записи. Если в старой записи стоит клиника, которой тогда не было...

– ...значит, старой записи не было, – договорил Тим. Он уже не выглядел сонным. – Значит, кто-то написал её с нуля. И не проверил, в каком году открылась клиника.

– Или проверил, – тихо сказал Эймон, – и решил, что никто не станет проверять за ним.

Тим развернул кресло к навигационному пульту, и пальцы его побежали по клавишам.

– Боцман, у тебя есть журналы прибытия «Керна»? Ты их качал перед отходом вместе с биржей.

– Есть. За последние полгода.

– Он сказал, что ждал на «Керне» двадцать шесть дней. Значит, он туда как-то прилетел. Покажи всех, кто прибыл двадцать шесть – тридцать дней назад.

Список был коротким: на «Керн» вообще прилетали редко. Два корпоративных грузовика. Буксир из пояса. Почтовый курьер. Тим читал списки пассажиров и экипажей медленно, по одной фамилии, шевеля губами.

– Его нет, – сказал он наконец.

– Шире, – сказал Марк. – Сорок дней. Шестьдесят.

Его не было и за шестьдесят. Его не было за полгода. Зато в журнале станционной гостиницы на третьем ярусе, в двух шагах от той самой чайной, нашлась запись: Элиас Моррен, номер на одного, заселение двадцать шесть дней назад, оплата вперёд.

– Он появился на «Керне», – сказал Тим, – и ни один корабль его туда не привозил.

– Мог прилететь под другим именем, – сказала Кира.

– Мог. – Тим повернулся к ним вместе с креслом. – Тогда у него было ещё одно имя. Ещё один паспорт. И, наверное, ещё одна сверка, которая ведёт в пустое место. Вы понимаете, что мы видим? Это не человек, который сменил имя и запечатал прошлое. Тут и прошлое, и настоящее не сходятся друг с другом. Записи врут, и врут по-разному. Кто-то сделал ему биографию – и сделал небрежно.

– Или в спешке, – сказал Эймон.

– Или в спешке.

Марк молчал. Он думал о человеке, который резал хлеб ровными ломтями и говорил: «Я не преступник. Во всяком случае, ни один суд меня таковым не признал». Тогда это прозвучало честно. Теперь Марк снова прокручивал эти слова в голове и понимал, что они и сейчас звучат честно. Просто означать они могли совсем другое. Суд не признаёт человека преступником и тогда, когда до суда дело не доходит.

– Что будем делать? – спросила Кира.

Все посмотрели на Марка. Он ждал этого взгляда и всё равно не был к нему готов.

– Ничего, – сказал он.

– Марк...

– Пока ничего, Тим. Послушай. Он не сделал на борту ничего плохого. Он играет с тобой в узлы и моет за собой посуду. Его деньги настоящие. Мы на сверхсвете, до Предела девять суток, и развернуть корабль сейчас – это потерять топливо, вторую половину оплаты и, возможно, нажить себе врага, о котором мы ничего не знаем. Если я сейчас пойду к нему с этими бумагами, он скажет мне ещё одну правдоподобную вещь. Я ему поверю или не поверю, и мы будем знать столько же, сколько сейчас.

– И что тогда?

– Тогда мы просто наблюдаем. Внимательно. Все четверо. – Марк посмотрел на потолок. – Пятеро.

– Принято, – сказал Боцман.

Тим долго смотрел на него. Потом медленно кивнул – не соглашаясь, а принимая к сведению.

– Это твой корабль, – сказал он.

На этот раз в его голосе не было упрёка. Только усталость – и что-то ещё, чего Марк не мог разобрать.

* * *

Когда все разошлись, Марк пошёл к себе длинным путём – мимо медицинского модуля, мимо пассажирского бокса. Он не собирался туда заходить. Он сам не знал, зачем пошёл этой дорогой.

Под дверью бокса горел свет. Тонкая жёлтая полоска на полу коридора. Изнутри не доносилось ни звука – ни шагов, ни шелеста страниц. Марк постоял, глядя на эту полоску, и подумал, что Моррен, наверное, сидит сейчас на койке с бумажной книгой, которую не читает, и смотрит на закрытую дверцу нижнего ящика шкафа.

Он мог бы постучать. Мог бы выложить всё, что они нашли, и посмотреть, что изменится в этом спокойном, правильном лице. Он не постучал.

– Боцман, – сказал он тихо, уже у своей каюты. – Раздел.

– «Вопросы без ответа»?

– Да. Запиши третью.

– Слушаю.

Марк помолчал, подбирая слова. Странно: столько дней на сверхсвете он думал о деньгах, о теплообменнике, о том, как отказаться от концентрата и не прогореть. А вопрос оказался совсем о другом.

– Кем он был, – сказал Марк, – до того как ему сделали прошлое?

– Записал, – сказал Боцман. И, помедлив, добавил: – Капитан. Это хороший вопрос. Но, мне кажется, ещё лучше – другой.

– Какой?

Глава 4

За пределами маршрута

На восьмые сутки «Сорока» прошла половину пути, и Боцман объявил об этом за завтраком с тем же выражением, с каким объявлял погоду: ровно, без восклицательных знаков, но так, что все почему-то подняли головы.

– Семь с половиной суток позади, семь с половиной впереди. Топлива достаточно, все системы в норме. Теплообменник второго контура выходит на режим за пятьдесят семь секунд. Эймон просил не говорить об этом за столом, поэтому я говорю об этом за столом.

– Предатель, – сказал Эймон в кружку.

– Я веду летопись, – ответил Боцман. – У меня был хороший учитель.

Моррен, сидевший с краю, чуть улыбнулся и ничего не сказал. После той ночи в рубке они все смотрели на него немного иначе – внимательнее, осторожнее, – и Марк не был уверен, что пассажир этого не заметил. Но Моррен вёл себя как прежде. Ел, мыл посуду, играл с Тимом в «узлы» по вечерам и проигрывал две партии из трёх. Если он и чувствовал перемену, то принимал её так же спокойно, как принимал всё остальное.

На корабле, где пятеро живут в пятидесяти метрах металла, невозможно долго жить в напряжении. Оно просто не помещается. Тревога, как вода, растекается по дням и становится фоном, а на переднем плане опять оказываются фильтры, которые пора чистить, графики дежурств и вопрос, кто опять оставил грязную кружку на навигационном пульте.

Кружку оставил Тим. Как всегда.

* * *

– Поправка ноль-три к расчётному, – сказал Тим. – Если хочешь, могу показать, откуда она.

– Хочу.

Раз в двое суток они вдвоём проверяли курс: Боцман считал лучше любого из них, но правило ввёл ещё Марк в первый же месяц, когда купил корабль, и с тех пор не отменял. Не потому, что не доверял Боцману. Потому что пилот, который перестаёт сам проверять курс, однажды перестаёт понимать, куда летит.

Тим вывел схему. Пунктир маршрута, зелёная точка «Сороки» почти посередине, Предел у правого края – маленькая, одинокая точка у самой границы картографированного пространства. Дальше, до края экрана, шла пустота с бледной пометкой «данные отсутствуют».

– Звёздный ветер у Предела сильнее, чем в лоции, – сказал Тим. – Последний корабль, который там был, оставил поправку в журнале. Боцман её нашёл, я проверил. Она честная.

– Последний корабль был когда?

– Четыре месяца назад. Рудничный грузовик. – Тим помолчал. – Знаешь, мне кажется, Моррен – самый дорогой пассажир, который когда-либо летел в Предел. И, возможно, единственный, кто летел туда по своей воле.

– Ты всё ещё против.

– Я всё ещё против. – Тим откинулся в кресле. – Но я уже понял, что ты меня не послушаешь, и смирился. Это экономит силы.

Марк хмыкнул. Они посидели молча. Под пальцами Тима мерцала схема, и зелёная точка корабля, казалось, совсем не двигалась.

– Помнишь Дагерти? – спросил вдруг Тим.

– Старшего диспетчера? Как не помнить.

– Он мне сказал однажды, ещё в компании, когда мы с тобой только стали старшими: «Северин хороший пилот, но он из тех, кто однажды купит себе корабль и улетит туда, где

ничего нет. А ты, Ларсен, полетишь с ним, потому что ты дурак». – Тим чуть усмехнулся. – Я тогда обиделся.

– А сейчас?

– А сейчас думаю, что Дагерти был умнее, чем мы считали.

Марк посмотрел на него. Тим смотрел на схему.

– Почему ты тогда пошёл со мной? – спросил Марк. – Я ведь так и не спросил. Ты просто пришёл в док в первый день, с сумкой, и сказал: «Кресло пилота моё».

– Потому что в компании мне больше ничего не светило. – Тим пожал плечами. – Нет, неправда. Светило. Через пару лет я бы стал старшим пилотом на линейном транспорте. Летал бы между тремя центральными мирами по расписанию, которое составлено на десять лет вперёд. Каждый выход из сверхсвета в одну и ту же минуту, каждый причал с автоматическим наведением. – Он помолчал. – Я бы сдох там от скуки, Марк. Медленно и с хорошей пенсией.

– А здесь ты сдохнешь от концентрата.

– Здесь я сам выбираю, от чего сдохнуть. Это важно. – Он наконец повернулся. – И ещё. Ты, когда что-то тебя грызёт, перестаёшь говорить. Улыбаешься, шутишь, а говорить перестаёшь. Всё взваливаешь на себя и тащишь, пока не надорвёшься. Я это видел в компании. Кто-то должен быть рядом, чтобы вовремя дать тебе по голове.

– Это трогательно.

– Это профессиональное наблюдение. – Тим снова отвернулся к схеме. – Ты сейчас как раз такой. С той ночи. Я не прошу тебя ничего рассказывать. Я просто говорю, что вижу.

Марк не ответил. Тим и не ждал ответа. Через минуту он ткнул пальцем в схему и сказал уже совсем другим голосом:

– Поправку принимаем?

– Принимаем.

* * *

Мастерская Эймона была единственным местом на «Сороке», где царил беспорядок, и беспорядок этот был строго упорядочен. Каждый ящик был подписан, каждый инструмент висел на своём месте, но на верстаке, на полу и на откидных полках лежали десятки вещей, назначение которых знал только Эймон: обрезки труб, мотки кабеля, платы, выдранные из какого-то давно списанного оборудования, и полуразобранные приборы, которые, по словам хозяина, «ещё не решили, кем станут».

Посреди верстака на этот раз стоял паук.

Точнее, нечто, похожее на паука размером с кошку: плоское металлическое тело, шесть суставчатых ног, две камеры на коротких стеблях и тонкий манипулятор, сложенный под брюхом. Ноги были разные. Три – явно от одного механизма, три – от другого.

– Это что? – спросил Марк.

– Жук, – сказал Эймон, не отрываясь от пайки.

– У него шесть ног. Жуки так выглядят?

– У жуков шесть ног. – Эймон отложил паяльник. – Пауки восьминогие.

Марк присмотрелся.

– Из чего ты его собрал?

– Корпус от старого инспекционного дрона. Ноги – от двух ремонтных роботов, которых я купил на распродаже в прошлом году за двести кредитов. Камеры – из запасных датчиков Боцмана. Он не возражал.

– Он не знал, – сказал Боцман.

– Ты не возражал, когда узнал.

– Было уже поздно возражать.

Эймон бережно повернул Жука на верстаке. Ноги мягко щёлкнули.

– Пролезет туда, куда человек не пролезет, – сказал он. – В трубопроводы, в кабельные каналы, под палубу. Если на ходу что-нибудь откажет в месте, куда не подберёшься, – он подберётся. Посмотрит, скажет, что видит. Может, даже закрутит гайку.

– А может?

– Ещё не знаю. Он пока учится ходить. – В голосе Эймона прозвучало что-то, очень похожее на нежность. – Вчера дважды упал на спину и не смог перевернуться.

– И что ты сделал?

– Перевернул.

Марк улыбнулся. Он смотрел, как Эймон снова склоняется над платой – неторопливый, сосредоточенный, совершенно счастливый, – и думал, что это, наверное, и есть то, ради чего он покупал корабль. Не деньги, не свобода в каком-то большом смысле. Вот это. Чтобы у человека было место, где он может собирать из обломков Жука и не объяснять никому, зачем.

– Сколько он стоил? – спросил Марк.

– Двести за ноги. Остальное – обрезки. – Эймон помолчал. – И около шестидесяти часов. Моих.

– Твои часы бесценны.

– Вот и я так считаю, – серьёзно сказал Эймон. – Поэтому денег за них не прошу.

* * *

Ночью – условной ночью, когда Боцман приглушал свет до тёплого янтаря, – Марк снова не спал.

Он мог бы пойти в рубку. Мог бы снова пересчитать бюджет, которого хватало теперь на полгода, или снова открыть журнал проверки Моррена, хотя давно знал его наизусть. Вместо этого он почему-то пошёл в медицинский модуль, где горел свет.

Кира сидела за рабочим столом с планшетом. На столе стоял крошечный горшок – с землёй и бледным ростком, который едва поднялся над ней на палец.

– Не спишь, – сказала она, не оборачиваясь.

– Ты тоже.

– Я работаю. Это другое. – Она наконец посмотрела на него – внимательно, по-врачебному, как смотрела на любого, кто входил в модуль. – А ты не спишь третью ночь подряд. Боцман сказал.

– Боцман слишком много говорит.

– Я его попросила. Я врач, Марк. Мне положено знать, кто на борту не спит.

Она подвинула ему свободный табурет. Марк сел. Модуль был таким тесным, что их колени почти соприкасались.

– Что это? – Он кивнул на горшок.

– Ответ на вопрос Моррена. – Кира чуть улыбнулась. – Помнишь, он спросил, какое растение я взяла бы на необитаемую планету? Я сказала, что подумаю. Подумала. Это лук.

– Лук?

– Неприхотливый, растёт быстро, съедобен целиком, отгоняет некоторых насекомых. И его можно посадить заново из любого обрезка. – Она осторожно повернула горшок. – Посадила его на «Керне», из того, что было на кухне. Хочу посмотреть, вырастет ли в корабельном свете.

– Практично.

– Я практичная. – Кира снова посмотрела на него. – Так почему ты не спишь?

Марк долго не отвечал. Он смотрел на бледный росток и думал, как это объяснить и нужно ли объяснять вообще. Тим был прав: он перестал говорить. Сначала о деньгах, потом о Моррене, потом обо всём остальном, что не помещалось в слова. Это было удобно. С этим было проще жить.

– Я считаю, – сказал он наконец. – Всё время. Что, если я ошибся. Что, если Тим был прав, и я взял эти деньги, и они нам дорого обойдутся. Что, если мы прилетим в Предел, а там...

не знаю что. Я принял решение за четверых. За пятерых. И мне некому сказать, правильно ли оно.

– Мне, – сказала Кира.

Марк поднял на неё глаза.

– Скажи мне, – повторила она спокойно. – Ты сказал. Я услышала. Это уже лучше, чем считать в одиночку.

– И что ты думаешь?

– Думаю, что ты принял решение, которое можно было принять. Не лучшее и не худшее. Возможное. – Она пожала плечами. – Я раньше работала в месте, где решения принимали люди, которые никогда ничего не считали в одиночку. У них были комиссии, отделы и юристы. И всё равно они принимали такие решения, что мне до сих пор бывает стыдно, что я там работала.

– Ты никогда об этом не рассказывала.

– Ты никогда не спрашивал.

– Я спрашиваю.

Кира помолчала. Взяла горшок с луком, повертела в руках, поставила обратно.

– Меня попросили не замечать одну вещь, – сказала она. – Я её заметила. И отказалась подписать бумагу, где говорилось, что её нет. Это всё. Больше там нечего рассказывать. – Она подняла на него глаза. – Может быть, когда-нибудь расскажу подробнее. Не сегодня.

– Хорошо.

– А ты почему купил корабль? Только честно. Не «хотел свободы».

Марк хотел было ответить «хотел свободы», и понял, что не может.

– Потому что однажды я понял, – сказал он медленно, – что за двенадцать лет в компании ни разу не видел ничего, чего не видели бы до меня. Все маршруты проложены. Все причалы описаны. Все звёзды в каталогах. Я хотел хотя бы раз увидеть что-нибудь, чего нет на карте.

– И как?

– Пока что видел только концентрат.

Кира засмеялась – негромко, тепло, – и Марк вдруг почувствовал, как отпускает что-то, что он держал в себе три ночи подряд. Не всё. Немного. Но достаточно.

– Иди спать, капитан, – сказала она. – Это не совет. Это назначение врача.

– Есть.

У двери он обернулся. Кира снова смотрела в планшет, но не читала: Марк видел, что экран погас.

– Кира.

– М-м?

– Спасибо.

Она не подняла головы. Только кивнула – коротко, чуть заметно. И, когда он уже выходил, сказала ему в спину:

– Лук, кстати, тоже не любит, когда его поливают слишком часто. Это тебе на будущее.

Марк так и не понял, что она имела в виду. Но в ту ночь он спал.

* * *

В девятнадцати световых годах от «Сороки», на высокой орбите над центральным миром, название которого в этом кабинете никогда не произносили вслух, женщина с усталым лицом читала отчёт, который ей не полагалось читать в такой поздний час.

Отчёт был коротким. Счёт номер такой-то, открытый в банке Касселя, неактивный шесть лет и три месяца, был использован девять дней назад. Сумма – сто восемьдесят тысяч кредитов. Получатель – эскроу станционной биржи, станция «Керн», окраина, сектор такой-то. Бенефициар – частный перевозчик, транспорт «Сорока», регистрационный номер прилагается.

Отчёт сопровождала стандартная пометка автоматической системы мониторинга: «Совпадение по списку наблюдения. Уровень приоритета – архивный».

Архивный. Женщина невесело улыбнулась. Шесть лет этот счёт лежал в списке, который никто не открывал. Шесть лет назад она сама вносила его туда – по распоряжению, которое не обсуждалось, – и тогда же, кажется, в последний раз думала о том, ради чего.

Она открыла другой файл. Старый, с закрытым кодом проекта, который не значил ничего ни для кого, кроме, может быть, двух десятков человек во всей человеческой галактике. Большинство из них были мертвы или числились пропавшими. Файл открылся не сразу: системы безопасности долго думали, прежде чем разрешить. Она пролистала его, не читая – она и так помнила, что там. Списки. Фамилии. Пустые строки, где когда-то были фамилии.

И одна строка, отмеченная иначе, чем все остальные.

Она закрыла файл. Посидела, глядя на тёмный экран. Потом взяла коммуникатор, набрала номер, который не набирала шесть лет, и дождалась ответа.

– Это Сато, – сказала она. – Простите, что так поздно.

Голос на том конце был сонный и недовольный, но мгновенно стал собранным, едва она назвала код.

– Слушаю.

– Он объявился, – сказала женщина. – Не уверена, что лично. Но его деньги – точно.

Пауза на линии длилась так долго, что она уже решила, что связь оборвалась.

– Где?

Женщина посмотрела на карту, где мигала крохотная точка «Керна», а за ней тянулся к краю пунктир маршрута, по которому уходил маленький грузовой корабль с птичьим именем.

– Летит туда, где ничего нет, – сказала она.

Глава 5

Авария

На одиннадцатые сутки по плану был выход для сверки.

На длинных перегонах корабль не мог идти в сверхсвете вслепую до самого конца: ошибка накапливалась, как пыль на приборах, и раз в несколько суток её приходилось стирать. Выйти в обычное пространство, посмотреть на звёзды, понять, насколько тебя снесло, поправить курс и прыгнуть снова. Обычная процедура. Сорок минут работы, если всё в порядке, и час, если Тиму захочется поспорить с Боцманом о третьем знаке после запятой.

Точку выхода Тим выбрал ещё на «Керне», по лоции. Пустое место между двумя звёздными системами, где ничего не было, кроме далёких звёзд и межзвёздного газа такой разреженности, что его можно было не считать. Семь лет назад здесь прошёл исследовательский зонд и записал: чисто.

– Выход через три минуты, – сказал Боцман. – Всем занять места. Гражданин пассажир, это касается и вас.

– Я на месте, – отозвался Моррен по внутренней связи. – Пристёгнут. Спасибо.

Марк сидел в капитанском кресле, Тим – в пилотском. Кира была в медицинском модуле, Эймон – в техническом отсеке, где он всегда проводил выходы, хотя никто его об этом не просил. «Я хочу слышать, как она дышит», – объяснил он однажды, и больше об этом не спрашивали.

– Пятьдесят семь секунд, – сказал Эймон по связи. – На прошлом выходе было пятьдесят шесть. Просто чтоб вы знали.

– Знаем, – сказал Марк. – Доберёмся до Центра – узнаем, сколько будет у нового.

– Тридцать восемь. Я посмотрел в каталоге.

– Выход через десять секунд, – сказал Боцман. – Девять. Восемь...

Тим положил руки на управление. Так он делал всегда, даже на автоматическом выходе: просто держал ладони на рукоятках, как держат вожжи лошади, которая и так знает дорогу.

– ...два. Один.

Знакомое ощущение – будто оступился на ровном месте. Экраны ожили.

И почти сразу корабль загудел.

* * *

Сначала Марк решил, что это вибрация двигателя. Ровный, высокий звук, как песок по жести. Потом звук стал громче, а потом по корпусу ударило – глухо, тяжело, будто кто-то с размаху бросил в борт камень.

– Обломки, – сказал Боцман. Он говорил так же ровно, как всегда, но очень быстро. – Ледяная пыль и камень, плотность растёт, мы в облаке. Повторяю: мы внутри облака обломков.

– Откуда?! – Тим уже работал. Руки на рукоятках перестали лежать и начали двигаться. – Лоция чистая!

– Семь лет назад было чисто. Похоже на остатки кометы. Удар по правому борту, второй, третий. Пробой в грузовом отсеке, отсек пуст, герметизирую. Тим, вектор отхода – ноль-сорок вверх, плотность там ниже.

– Вижу.

«Сорока» легла на бок. Марка вдавило в кресло, потом мотнуло в ремнях. На экране впереди было что-то похожее на снегопад, только снег летел им навстречу с бешеной скоростью, а некоторые снежинки были размером с кулак. Корабль снова тряхнуло, и где-то в глубине корпуса взвыла и захлебнулась сирена.

– Радиатор, – сказал Боцман. – Левая панель пробита в двух местах. Теряем теплоноситель. Перекрываю панель.

– Тим...

– Не говори со мной. – Голос Тима был спокойным и чужим. Марк знал этот голос. Тим так говорил всего пару раз за все годы, что они летали вместе, и оба раза потом долго молчал. – Двадцать секунд. Держитесь.

Он гнал корабль вверх и вбок, к краю облака, туда, где «снег» редел. Он не уворачивался от отдельных камней – это было невозможно, их было слишком много и они были слишком быстрыми, – он искал между ними коридор, которого не видел никто, кроме него. Двигатели ревели на пределе. Ещё удар, ближе к корме. Ещё один – по носу, совсем рядом с рубкой, так что Марк услышал, как треснул внешний слой обшивки над головой.

– Антенна дальней навигации, – сказал Боцман. – Её больше нет.

Потом снег кончился.

Просто кончился – как кончается дождь, когда выходишь из-под тучи. Впереди было чёрное небо и звёзды, неподвижные и равнодушные. «Сорока» шла по инерции, гудя всем корпусом, и в рубке было слышно только, как Тим тяжело дышит.

– Вышли, – сказал он. – Вышли. Боцман, повреждения.

– Составляю. Пробой грузового отсека, загерметизирован. Левая панель радиатора выведена из строя, правая работает. Антенна дальней навигации снесена. Удар по корме в районе кожуха сверхсветового двигателя, повреждения оцениваю. Экипаж и пассажир...

– Кира?

– Все целы, – ответила Кира по связи. Голос её был ровным, но Марк услышал, как она выдохнула перед ответом. – Пассажир цел. Я у себя.

– Эймон?

Эймон не ответил.

– Эймон!

– Подожди, – сказал Эймон наконец. Голос был сдавленный, будто он говорил сквозь зубы. – Подожди, капитан. Тут... Боцман, температура первого контура.

– Растёт, – сказал Боцман. И впервые за все годы, что Марк его знал, в этом спокойном хриплом голосе что-то изменилось. – Быстро растёт.

* * *

Это было как домино, и Марк понял это, только когда первые костяшки уже упали.

Левая панель радиатора не работала. Правая не справлялась одна: «Сорока» вышла из облака на полной тяге, двигатели раскалились, энергоустановка работала на пределе, и всё это тепло нужно было куда-то девать. Тепло пошло туда, куда могло, – во второй контур, через теплообменник.

Через тот самый теплообменник.

– Он не выходит на режим, – сказал Эймон. – Пятьдесят семь секунд – это на холодную. На горячую он должен был... Он не держит. Он не держит нагрузку, Марк.

– Что можно сделать?

– Сброс тяги, весь, сейчас. Отключить всё, что можно отключить. Я пробую обвод.

– Боцман, сброс тяги, – сказал Марк. – Всё лишнее – вниз.

Свет в рубке мигнул и стал тусклым. Экраны погасли один за другим, кроме двух главных. Вентиляция сбилась на тихий шёпот. Марк почувствовал, как стало легче в теле – Боцман снизил гравитацию по всему кораблю, экономя энергию.

– Температура первого контура – девяносто один процент от аварийного порога, – сказал Боцман. – Девяносто три.

– Эймон...

– Работаю!

Из технического отсека по связи доносились звуки, которые Марку не нравились: металлический лязг, шипение, короткие ругательства, которых он от Эймона никогда не слышал. Потом – резкий хлопок, как от лопнувшей трубы, и сдавленный вскрик.

– Эймон!

– Цел. – Пауза. – Почти. Обвод открыт. Не помогает. Девяносто шесть. Боцман, я не успеваю. Если он дойдёт до порога, автоматика заглушит энергоустановку сама, жёстко. Лучше я сам. Мягко. Марк, мне нужно твоё слово.

– Если заглушить – что мы теряем?

– Всё, что на ней работает. Двигатели, сверхсвет, гравитацию, основной свет, половину Боцмана. Останемся на аккумуляторах. – Эймон помолчал полсекунды. – Если не заглушить – можем потерять её совсем. Вместе с кормой.

Марк посмотрел на Тима. Тим смотрел на него. Решение было очевидным, и от этого не становилось легче.

– Глуши, – сказал Марк.

– Глушу.

Тишина пришла не сразу. Сначала стих ровный, привычный гул, который Марк слышал каждую минуту своей жизни последние четыре года и уже давно перестал замечать. Он заметил его только сейчас, когда тот умолк. Потом погас свет – весь, разом, – и через полсекунды загорелся снова, красный, аварийный. Потом из-под Марка ушёл вес.

Он поплыл в ремнях. Кружка Тима, оставленная, как всегда, на навигационном пульте, медленно поднялась в воздух и, кувыркаясь, поплыла к потолку, роняя капли холодного кофе, которые превращались в маленькие бурые шарики.

И в этот момент – на переключении, когда энергоустановка уже отдала нагрузку, а аккумуляторы ещё не приняли её как следует, – по сети корабля прошёл скачок. Марк его не увидел и не услышал. Он только заметил, как один из двух оставшихся экранов вспыхнул белым и погас.

– Навигационный вычислитель, – сказал Боцман тише, чем обычно. – Выгорел. И звёздные датчики. Все три.

* * *

В медицинском модуле не было окон, и Кира видела аварию только по тому, как её меняли вещи вокруг.

Сначала затряслись дверцы шкафов, и она защёлкнула их одну за другой, не дожидаясь, пока откроются. Потом стало легче – Боцман снизил вес, – и она успела подумать, что это плохой признак. Потом пропал гул, погас свет, и в красной полутьме из открытого лотка медленно, как во сне, поднялись в воздух бинты, ампулы и пинцет.

Кира поймала пинцет на лету. Остальное уплыло к потолку.

– Доктор.

Моррен стоял – точнее, висел – в проёме двери, держась одной рукой за косяк. Он был бледен, но спокоен. Его не было здесь минуту назад.

– Вы должны быть пристёгнуты.

– Я был. Потом услышал, как вы здесь ловите ампулы. Решил, что лишние руки вам не помешают. – Он сказал это просто, без всякой рисовки. – Скажите, что делать.

Кира хотела было отправить его обратно в бокс, но не стала. Руки действительно были нужны.

– Вон та сетка. Прижмите её к потолку, вот так, и собирайте в неё всё, что летает. Стекло – в первую очередь. Осторожно.

Он кивнул и принялся за дело. Двигался он неловко, как все, кто редко бывал в невесомости, но аккуратно и без суеты. Кира видела, что прежде чем прийти сюда, он на секунду

оглянулся – туда, где за переборкой был его бокс и шкаф с нижним ящиком. Только на секунду. Потом отвернулся и больше не оглядывался.

– Кира, – сказал по связи Марк. – Эймона задело. Иди в технический отсек.

Она схватила сумку и толкнулась от стены.

– Сетка, – бросила она Моррену на лету. – Не отпускайте.

– Не отпущу.

Эймон висел в техническом отсеке среди медленно плывущих инструментов, прижимая к груди правую руку. Рукав комбинезона был разорван, кожа под ним – красная, вздувшаяся, мокрая. Пар из лопнувшей трубы обвода.

– Ерунда, – сказал он, увидев её.

– Это ожог второй степени, – сказала Кира, уже открывая сумку. – Не ерунда. Держи руку вот так. Не двигай.

– Мне надо проверить...

– Тебе надо держать руку вот так. Проверит Боцман.

– Боцман не умеет держать ключ.

– Значит, подождёт.

Он посмотрел на неё, потом на свою руку, потом снова на неё – и подчинился. Кира обрабатывала ожог, и пальцы её не дрожали, хотя ей очень хотелось, чтобы кто-нибудь сказал ей, что всё будет хорошо. Но сказать было некому. На корабле, где пять человек, кто-то всегда должен быть тем, кто не дрожит.

– Я знал, – сказал Эймон тихо, когда она закрепляла повязку. – Про теплообменник. Я знал, что он не выдержит, если что. Говорил. Но надо было не говорить, надо было требовать.

– Ты не мог знать, что мы выйдем в облако камней.

– Мог знать, что когда-нибудь выйдем во что-нибудь.

Кира закрепила повязку и посмотрела ему в глаза.

– Эймон, – сказала она. – Потом. Все поплачем потом. Сейчас мне нужно, чтобы ты сказал, можем ли мы выжить. Ты единственный, кто это знает.

Он помолчал. Потом кивнул.

– Дай мне час, – сказал он.

* * *

Через два часа они собрались в кают-компании. Свет был красным, тусклым. Боцман держал в отсеке ровно столько тепла, чтобы не было видно пара от дыхания. Гравитации не было: каждый держался за что-нибудь – за край стола, за поручень, за ремень на спинке кресла. Пустой ящик из-под помидоров, который так никто и не выбросил, медленно вращался под потолком.

Моррен держался за поручень у двери. Его никто не позвал. Но никто и не попросил уйти.

Эймон говорил первым. Говорил он медленно, держа забинтованную руку на весу и сверяясь с планшетом, где мелким почерком была записана вся его последняя пара часов.

– Энергоустановка цела, – сказал он. – Я её заглушил вовремя, сердечник не пострадал. Её можно запустить. Но не на полную. Теплообменник второго контура разорван. Левая панель радиатора пробита. Без них, если запущу, – тридцать, может, сорок процентов мощности. Дольше – перегреемся снова.

– Сверхсвет?

– Хуже. – Эймон опустил глаза. – Удар по кожуху двигателя. Одна катушка поля треснула, может, две. Чтобы точно понять, надо туда залезть, а туда пока не залезть. Если повезёт – один короткий прыжок. Совсем короткий. Если не повезёт – ни одного, пока не починю.

– А починить можно?

– Можно. Не здесь. И не быстро. Нужна площадка, нужно время. Нужен металл для радиатора – у нас его столько нет. Недели. Может, больше.

Тишина. Ящик из-под помидоров под потолком медленно доплыл до стены, ударился о неё и медленно поплыл обратно.

– Боцман, – сказал Марк. – Ресурсы.

– На аккумуляторах – около шести суток в этом режиме, – сказал Боцман. Он говорил чуть медленнее обычного, и Марк понимал почему: половина его вычислителей сейчас спала, экономя энергию. – С частично запущенной энергоустановкой – воздуха, воды и еды на восемь недель, если экономить. Топлива на маневры в обычном пространстве достаточно. Связь дальнего радиуса потеряна вместе с антенной. Аварийный маяк работает. Он передаёт сигнал бедствия. Но...

– Но?

– Но нас не услышат, – сказал Тим.

Все повернулись к нему. Тим держался за край навигационного стола, который успел перенести сюда из рубки, – небольшой экран, работавший от собственной батареи. На экране была схема, и выглядела она совсем не так, как тогда, когда они вдвоём проверяли курс.

– Звёздные датчики выгорели, – сказал Тим. – Все три. Вычислитель тоже. Я не знал точно, где мы. Поэтому я сделал то, что делали лет сто назад. – Он поднял небольшой прибор, похожий на бинокль с ручками. – Аварийный секстант. Висел в шкафу рубки со дня покупки корабля, никто его ни разу не открывал. Я измерил углы между шестью опорными звёздами и посчитал вручную. С Боцманом, но вручную.

– И?

– И мы не там, где должны быть. – Тим повернул экран к ним. – Выход из сверхсвета, пока я уводил нас из облака, плюс снос, которого мы не знаем, плюс ошибка, которую мы шли сверять, – вот здесь. Примерно. С точностью до пары световых недель. Предел – вот он, справа. Четыре дня хода на сверхсвете. На исправном сверхсвете. «Керн» – одиннадцать дней. Назад. На исправном.

– А если короткий прыжок?

– Если короткий – мы допрыгнем до вот этого места. – Тим ткнул пальцем в пустоту между ними и Пределом. – Чуть ближе к Пределу. И будем там же, где сейчас: в пустоте. Только без прыжка в запасе. Маяк в Пределе может услышать наш сигнал через... – Он посмотрел на Боцмана.

– В лучшем случае – через три месяца, – сказал Боцман. – Если кто-нибудь будет его слушать. Последний корабль заходил туда четыре месяца назад.

– Восемь недель воздуха, – сказал Марк. – Три месяца до сигнала.

Он не стал считать вслух. Все посчитали сами.

Молчание было долгим. Марк смотрел на свою команду в красном аварийном свете – на Тима с секстантом, на Эймона с забинтованной рукой, на Киру, которая держалась за спинку кресла рядом с ним и ничего не говорила. На Моррена у двери.

– Это не ваш ящик, – вдруг сказал Тим, не поворачиваясь к пассажиру. Тихо, без вопросительной интонации. Но Марк понял, что это был вопрос.

– Нет, – сказал Боцман прежде, чем кто-нибудь успел ответить. – Я записал каждый удар. Сорок один удар по корпусу. Камни и лёд, скорость от восьми до двадцати километров в секунду, траектории записаны. Облако настоящее, оно отражается в датчиках, которые ещё живы. Оно и сейчас там, за кормой. Это физика, Тим. Дурная физика и старые карты.

– Я понимаю, почему вы спросили, – сказал Моррен. Голос у него был ровный, без обиды. – На вашем месте я спросил бы то же самое.

Тим чуть кивнул – не ему, а самому себе. И больше к этому не возвращался.

– Значит, так, – сказал Марк. Он слышал свой голос как будто со стороны: спокойный, ровный, голос капитана. Внутри было совсем не спокойно. – В пустоте мы не починимся. Ждать в пустоте – тоже не вариант. Нам нужно место. Твёрдое. С материалом, из которого Эймон

соберёт радиатор. Где можно поставить корабль и работать неделями, а не висеть в невесомости на аккумуляторах. В радиусе короткого прыжка. Или, если прыжка не будет, – в радиусе того, куда мы доползём на обычных двигателях.

– Таких мест здесь нет, – сказал Тим. – Я смотрел. По картам вокруг нас на две световые недели – пустота. Ни системы, ни планеты, ни станции. Ничего.

– Карты врут, – сказал Эймон. – Мы только что это выяснили.

Тим посмотрел на него. Потом – на секстант у себя в руке. Потом – на тёмный экран, где светилась маленькая точка их корабля посреди пустоты с бледной пометкой «данные отсутствуют».

– Ладно, – сказал он медленно. – Значит, будем смотреть не в карты.

* * *

Марк задержался в кают-компании последним. Остальные разошлись по местам: Эймон – в технический отсек, считать, что можно спасти; Кира – к себе, собирать медицинский модуль заново; Тим с Боцманом – в рубку, к единственному живому оптическому датчику и секстанту. Моррен ушёл в свой бокс, не сказав ни слова.

Ящик из-под помидоров всё ещё плавал под потолком. Марк поймал его, повертел в руках и пристегнул к стене ремнём, чтобы не мешал.

Восемьдесят две тысячи двести кредитов на счёте. Самая большая сумма, которую он когда-либо видел. И на всю эту сумму здесь нельзя было купить ни одного литра воздуха.

Он вспомнил, как Эймон говорил на «Керне»: «Он не сломан. Он устал». И как он сам ответил: «Значит, в Центре». Решение, которое можно было принять. Не лучшее и не худшее. Возможное. Так сказала Кира. Тогда это его утешило.

Сейчас это ничего не меняло.

– Капитан, – сказал Боцман негромко. – Тим просит тебя в рубку.

– Что-то нашёл?

Глава 6

В рубке горел один экран.

Тим висел перед ним, зацепившись ногой за опору кресла, и даже не обернулся, когда Марк вплыл в дверь. На экране было небо – настоящее, живое, снятое единственным уцелевшим оптическим датчиком. Не схема, не карта, не навигационная сетка с пометками. Просто звёзды, тысячи звёзд, мелкая белая пыль на чёрном.

– Смотри, – сказал Тим. – Вот сюда.

Он ткнул пальцем в одну из звёзд. Ничем не примечательную. Чуть ярче соседей, с лёгким тёплым оттенком, как у лампы, которую давно не меняли.

– Звезда, – сказал Марк.

– Звезда, – согласился Тим. – Оранжевый карлик. Четыре световых месяца от нас. Ближайшая. Боцман, покажи, что о ней знают.

На экране рядом со звездой всплыла короткая строчка. Каталожный номер из шести цифр, спектральный класс, расстояние. И пометка: «Планетная система не обследована».

– Это всё?

– Это всё, – сказал Боцман. – Её внесли в общий звёздный каталог лет сорок назад, по дальним наблюдениям. С тех пор никто к ней не летал. В навигационных базах её нет вовсе: там отмечают только то, что может пригодиться кораблям. Причалы, станции, маяки, планеты с картами. Здесь нет ни причала, ни станции, ни маяка. И ни одной известной планеты.

– Ни одной известной, – повторил Тим. – Понимаешь? Не «ни одной». Ни одной известной. Её никто не обследовал. Сорок лет она висит в каталоге, и никто ни разу не посмотрел, что вокруг неё крутится. Потому что незачем. До Предела – четыре дня, до «Керна» – одиннадцать, а здесь нет ни руды, ни заказов, ни людей. Кто полетит смотреть на звезду, рядом с которой ничего не продаётся?

Марк смотрел на тёплую точку на экране.

– А если вокруг неё ничего нет?

– Тогда ничего нет. – Тим наконец обернулся. Глаза у него были красные, он не спал с самой аварии. – Но, Марк, у оранжевых карликов планеты почти всегда есть. Это статистика, не надежда. Хоть что-нибудь. Камень, лёд, газовый гигант с лунами. Что угодно, на что можно поставить корабль. Где есть металл для радиатора и лёд, из которого можно добыть воду. Лучше, чем висеть здесь.

– Четыре световых месяца – это прыжок.

– Короткий. – Тим кивнул на связь. – Я спросил Эймона.

– И что он сказал?

– Он сказал, – Тим чуть усмехнулся, впервые за много часов, – что ему надо подумать. А потом думал сорок минут. Это значит «может быть».

* * *

Эймон действительно сказал «может быть». Но сказал он это не сразу, а через шесть часов, после того как сам, одной здоровой рукой и с Жуком в помощниках, залез к кожуху сверхсветового двигателя.

Жук пригодился. Шестиногий дрон, который ещё неделю назад падал на спину и не мог перевернуться, пролез между погнутыми рёбрами кожуха туда, куда не протиснулась бы человеческая рука, и передал наружу картинку: катушки поля, четыре штуки, и на второй – тонкая тёмная линия трещины от края до середины.

– Одна, – сказал Эймон, глядя в экран так, как смотрят на рентгеновский снимок близкого человека. – Только одна. Остальные целы. Это хорошо.

– Это хорошо? – переспросил Марк.

– Это лучше, чем я думал. С одной треснувшей поле держится. Неровно, но держится. Короткий прыжок – да. Один. Я подстрахую, что смогу. После прыжка трещина, скорее всего, пойдёт дальше, и второго не будет. До ремонта.

– Четыре световых месяца?

– Четыре – да. Пять – не знаю. Шесть – нет.

Марк кивнул. Он понимал, что это значит. Один прыжок, и если там, у оранжевой звезды, не окажется ничего, кроме пыли, – они останутся там же, где сейчас: посреди пустоты, без воздуха на будущее и без прыжка в запасе. Только дальше от Предела. И от маяков. И от всего.

– Кира, – сказал он по связи. – Зайди в кают-компанию. Все зайдите.

* * *

Он не стал ничего решать один. Тим был прав тогда, на «Керне», – Марк это понял только сейчас: решать одному легко, а отвечать одному тяжело. Поэтому он рассказал всё, как было. Звезда. Каталог. Сорок лет без единого корабля. Одна трещина в катушке и один прыжок.

– Это лотерея, – сказала Кира, когда он закончил.

– Да.

– Если там ничего нет...

– Если там ничего нет, мы потеряем прыжок, который сейчас тоже ничего не стоит, – сказал Тим. – Прыгнуть к Пределу мы не можем: далеко. Назад – тем более. Сидеть здесь – это сидеть в пустоте и ждать, пока Предел услышит наш маяк. Три месяца, если повезёт. У нас восемь недель воздуха. Я посчитал. Все посчитали.

– Я не спорю, – сказала Кира. – Я хочу, чтобы мы сказали это вслух. Это лотерея. Мы ставим всё на одно число.

– Да, – сказал Марк. – Мы ставим всё на одно число.

Тишина. Ящик из-под помидоров, пристёгнутый к стене ремнём, едва заметно покачивался – Эймон уже запустил энергоустановку на треть мощности, и по кораблю снова пошла лёгкая, едва ощутимая дрожь. Вес вернулся, но не весь: Боцман дал жилым отсекам половину нормы, и все двигались осторожно, как по палубе в шторм.

– Голосовать будем? – спросил Эймон.

– Нет. – Марк покачал головой. – Это моё решение. Но я хочу знать, что вы думаете, прежде чем его принять.

– Прыгать, – сказал Тим.

– Прыгать, – сказал Эймон. – Трещина держит. Пока.

Кира помолчала.

– Прыгать, – сказала она. – Но я хочу, чтобы ты знал: если там ничего нет, я никого не буду винить. Ни тебя, ни Тима. Это важно.

Марк посмотрел на неё. Она смотрела прямо, спокойно, без улыбки.

– Спасибо, – сказал он.

Моррен стоял у двери, как и в прошлый раз, держась за поручень. Его опять никто не звал. Марк повернулся к нему.

– А вы?

Пассажир, кажется, удивился. На секунду – по-настоящему, как человек, которого спросили о том, о чём он никак не ожидал, что спросят.

– Я пассажир, капитан. У меня нет права голоса на вашем корабле.

– У вас нет права решать. Голос у вас есть. Я спрашиваю.

Моррен помолчал.

– Прыгать, – сказал он тихо. – Тот, кто сидит в пустоте и ждёт, что его найдут, обычно дожидается только пустоты. Я это знаю.

Он не объяснил, откуда знает. Никто не стал спрашивать.

* * *

Прыгали через восемь часов, когда Эймон закончил всё, что мог сделать одной рукой, а Тим трижды пересчитал курс с секстантом и Боцманом. Без звёздных датчиков и вычислителя точность была никакая: Тим целился в звезду, как стрелок, у которого нет прицела, только глаз и опыт.

– Если промахнёмся, – сказал он перед прыжком, не оборачиваясь, – то промахнёмся на пару световых дней. Это не страшно. Доползём на обычных двигателях.

– А если сильно промахнёмся?

– Тогда страшно.

– Поэтому не промахивайся.

– Да, капитан.

Никто не шутил. Боцман отсчитал секунды. Эймон в техническом отсеке держал здоровую руку на аварийном разрыве поля – если катушка не выдержит, он должен был успеть его заглушить за долю секунды, прежде чем поле разорвёт кожух. Кира пристегнулась в медицинском модуле с открытой сумкой на коленях. Моррен – в своём боксе.

Знакомое ощущение – будто оступился на ровном месте. Но на этот раз нога и правда провалилась: корабль тряхнуло, по всему корпусу прошла долгая низкая дрожь, похожая на стон, и Марк услышал, как Эймон по связи сказал одно слово, короткое и нехорошее.

Потом стало тихо.

– Держит, – сказал Эймон. – Держит. Трещина пошла, но держит. Прыгнули.

Экран перед Тимом ожил.

* * *

Звезда была близко. Не точкой, не искрой среди тысяч искр, а маленьким тёплым диском, оранжевым, как остывающий уголь. Её свет падал в рубку сквозь светофильтр мягко, повечернему.

– Промахнулся на три световых часа, – сказал Тим. Голос у него был хриплым. – Три часа. Без датчиков. Без вычислителя. С секстантом, которому сто лет.

– Запиши, Боцман, – сказал Марк.

– Раздел «Заслуженное», – отозвался Боцман. – Запись десятая. Лучшая из десяти.

Тим засмеялся. Смеялся он долго, почти до слёз, держась обеими руками за подлокотники, и Марк смеялся вместе с ним, потому что напряжение последних суток выходило из них, как воздух из пробитого отсека, и остановить это было невозможно.

Потом Боцман сказал:

– Планеты.

Смех оборвался.

– Сколько?

– Пока вижу четыре. Возможно, больше: датчик у меня один, и не самый лучший. Две маленькие, у самой звезды, – камень, раскалённый, жизни там нет. Одна большая, далеко, – газовый гигант, похож на тот, что у «Керна». И ещё одна. Третья от звезды.

– Что с ней?

Боцман помолчал. Так он молчал, только когда подбирал слово, – Марк знал это.

– Подождите. Я хочу проверить спектр.

Это заняло четыре минуты. Марк провёл их, не двигаясь, глядя на экран, где рядом с оранжевым диском звезды висела крошечная голубоватая точка. Тим тоже не двигался. Кто-то вошёл в рубку у него за спиной – он не обернулся, но по тому, как тихо открылась дверь, понял, что это Кира.

– У неё атмосфера, – сказал Боцман. – Азот. Кислород – около двадцати процентов. Водяной пар. Спектр поглощения хлорофиллоподобных пигментов – слабый, но есть. – Он помолчал. – Капитан. На ней есть вода и, по всей видимости, растительность. Она пригодна для дыхания. Или почти пригодна.

В рубке было так тихо, что Марк слышал, как дышит Кира у него за спиной.

– Это невозможно, – сказал Тим. – Это... Боцман, ты уверен? Это же...

– Я уверен в спектре. Я не уверен ни в чём остальном. Но спектр не лжёт.

– Планета земного типа, – медленно сказала Кира. – С кислородом. С жизнью. И её нет ни в одной базе.

– Её нет в навигационных базах, – поправил Боцман. – И, насколько я могу судить, её нет вообще нигде. Я проверил всё, что у меня есть: научные каталоги, отчёты исследовательских экспедиций, списки колоний. Нет. Ни записи, ни упоминания. Обитаемых или пригодных для жизни планет люди нашли не так уж много, их все знают наперечёт, и у каждой есть имя. У этой – нет.

– Как такое может быть?

– Сорок лет никто не прилетал сюда посмотреть, – сказал Тим. Он не отрывал глаз от голубоватой точки на экране. – Потому что здесь ничего не продаётся.

Марк хотел что-то сказать – и не смог. Он сидел в капитанском кресле повреждённого корабля, с восемью неделями воздуха и без единого прыжка в запасе, и смотрел на крохотную голубую точку, которой не было ни на одной карте человечества. И внутри у него, под усталостью, под страхом, под тяжестью, которую он тащил с той самой минуты, как взял деньги Моррена, – поднималось что-то совсем другое. Острое, горячее, почти стыдное.

Он вспомнил свой собственный голос, ночью, в медицинском модуле: «Я хотел хотя бы раз увидеть что-нибудь, чего нет на карте».

Он обернулся. Кира стояла у двери и смотрела на него. И он понял, что она вспомнила то же самое.

* * *

Моррен пришёл в рубку через полчаса. Его позвал Марк: на «Сороке» не было секретов о том, куда она летит, даже от пассажира.

Боцман к тому времени подвёл корабль ближе – на обычных двигателях, осторожно, на трети мощности, – и датчик смог разглядеть больше. Голубоватая точка превратилась в маленький диск. На диске можно было различить пятна. Синие – океаны. Зелёные, тёмные, с переходами в бурое – леса или что-то вроде лесов. Белые завитки облаков. И огромные пространства серого и рыжего цвета, тянувшиеся через полпланеты – пустыни, решила Кира, или горы, или просто камень.

Моррен остановился за спинкой капитанского кресла и посмотрел на экран.

Марк не сразу понял, что что-то не так. Пассажир просто стоял и смотрел. Потом Марк заметил его руку – ту, которой Моррен держался за спинку кресла. Пальцы сжались на обивке так, что побелели костяшки.

– Можно... – сказал Моррен и замолчал. Он откашлялся. Голос был не таким, как всегда: тише и неровнее. – Простите. Можно увеличить? Вот здесь. Где серое.

Боцман увеличил. Изображение было зернистым, датчик работал на пределе: серое пятно стало просто большим серым пятном с неровными краями, ничего больше.

Моррен смотрел на него долго. Слишком долго для человека, которому просто любопытно.

– Элиас, – сказал Марк. – Вы в порядке?

Пассажир моргнул, будто проснулся. Разжал пальцы на спинке кресла. Выпрямился.

– Да, – сказал он. – Простите. Я... – Он помолчал, подбирая слово, и Марк впервые видел, как этот человек подбирает слова. – Я прожил долгую жизнь, капитан. И никогда не видел живую планету, которую до меня не видел никто. Наверное, это действует сильнее, чем я думал.

Это прозвучало правдоподобно. Это было даже трогательно. Тим, сидевший в своём кресле, повернул голову и посмотрел на пассажира тем долгим, оценивающим взглядом, которым смотрел на доску с «узлами», когда Моррен делал неожиданный ход.

– Мы все в первый раз, – сказал Тим.

– Да, – сказал Моррен. – Конечно. Мы все.

Он постоял ещё немного, глядя на экран. Потом кивнул – коротко, сам себе, – и вышел. Марк смотрел ему вслед, пока дверь рубки не закрылась.

– Это было странно, – сказала Кира тихо.

– Это было очень странно, – сказал Тим.

– Он сказал, что никогда не видел живую планету, которую никто не видел.

– Я слышал, что он сказал. – Тим откинулся в кресле. – Я смотрел, на что он смотрел. Он смотрел не на океаны, Марк. Не на леса. Он смотрел на серое.

* * *

Через двое суток «Сорока» вышла на высокую орбиту.

Отсюда планета была видна целиком: огромная, медленно вращающаяся, в разводах облаков. Голубые моря. Тёмно-зелёные полосы лесов вдоль побережий и рек. Горные хребты, присыпанные белым на вершинах. И серые, рыжие, бурые пространства, такие огромные, что рядом с ними континенты казались островами.

Боцман уже двое суток собирал всё, что мог собрать одним датчиком. Тим считал траектории посадки. Эймон перебирал в мастерской весь корабль, отсек за отсеком, и пытался понять, выдержит ли «Сорока» вход в атмосферу на трети мощности, с одной панелью радиатора и с теплообменником, который он кое-как залатал. Кира составляла список всего, что могло их убить на незнакомой планете, и список выходил длинным.

– Садиться на треть мощности на планету, которую никто никогда не видел, – сказал Тим вечером накануне. – Без карт. Без маяка. Без диспетчера. С кораблём, который держится на заплатках и честном слове. Знаешь, как это называется?

– Знаю, – сказал Марк. – Жёлтая линия.

– Самая жёлтая из всех, что я когда-либо видел. – Тим помолчал. – Я не спорю. Я просто хочу, чтобы ты понимал, что мы делаем.

– Я понимаю. Других линий у нас нет.

– Нет, – согласился Тим. – Других нет.

Он смотрел на планету, медленно поворачивающуюся на экране, и Марк видел, что в глазах пилота, под усталостью и тревогой, загорается то же самое, что он чувствовал в себе. Острое, горячее, почти стыдное. Тим, который всю жизнь хотел летать, а не возить, смотрел на мир, где не было ни одного причала с автоматическим наведением.

– Место для посадки, – сказал Тим. – Я выбрал три. Вот здесь, на плато у реки. Вот здесь, у побережья. И вот здесь. Твёрдый грунт, рядом вода, рядом лес, если повезёт – металл в горах. Боцман за все три.

– А ты?

– Я за плато. Там ровно. И подальше от серого. – Тим чуть помолчал. – Не знаю почему. Просто мне не нравится серое.

Марк посмотрел на экран. Плато у реки. Зелёное, широкое, на краю большого леса. А за ним, километрах в двухстах к востоку, начиналось серое – огромное, неподвижное, уходящее до самого горизонта.

– Плато, – сказал он.

– Капитан, – сказал Боцман. – Вход в атмосферу – через девять часов. Всем рекомендую поспать. Я знаю, что никто не будет, но рекомендовать – моя обязанность.

Марк не пошёл спать. Он сидел в рубке и смотрел на планету, которой не было ни на одной карте. Она висела под ними огромная, живая. И с высокой орбиты казалось, что на ней никогда не случалось ничего. Ни ветра, ни дождя, ни времени.

За дверью рубки, в пассажирском боксе, в нижнем ящике шкафа, лежал гладкий холодный предмет без единого шва. Марк думал о нём, хотя не хотел.

– Боцман, – сказал он тихо. – Раздел.

– «Вопросы без ответа»?

– Да. Запиши четвёртую.

– Слушаю.

– Почему он смотрел на серое?

Боцман помолчал.

– Записал, – сказал он. – Капитан. Я хочу предложить тебе пятую. Она не о пассажире.

– Говори.

– Если этой планеты нет ни на одной карте, – сказал Боцман медленно, – то кто сказал, что на ней никого нет?

Марк не ответил. Он смотрел на огромную серую равнину на востоке, которая медленно уползала в ночь вместе с поворотом планеты.

Через девять часов «Сороке» предстояло начать спуск.

Глава 7

– Восемь минут до входа, – сказал Боцман. – Температура второго контура – шестьдесят два процента от аварийного порога. Заплатка на теплообменнике держит. Эймон просил передать, что «держит» – это не обещание, а наблюдение.

– Принято, – сказал Марк.

Под ними медленно разворачивалась Планета у которой не было никакого имени, только каталожный номер звезды и строчка «объект без записи» в журнале Боцмана. Огромная, голубая с зелёным, в белых разводах облаков. Плато у реки было отсюда не видно: оно пряталось за изгибом горизонта, на ночной стороне, и выйти к нему «Сорока» должна была уже на рассвете.

Тим сидел неподвижно. Руки на рукоятках, плечи опущены, лицо спокойное, почти сонное. Марк знал это лицо. Так Тим выглядел перед каждой трудной посадкой, ещё в компании, когда их корабли садились на планеты с ураганами и диспетчерами, говорившими на трёх языках сразу. Снаружи – сон. Внутри – как натянутая струна.

– Тим.

– М-м.

– Если что-то пойдёт не так...

– Не пойдёт. – Тим не повернул головы. – А если пойдёт, мне будет некогда это обсуждать. Скажи всё сейчас или потом.

– Потом.

– Вот и хорошо.

Всё, что можно было подготовить, они подготовили. Эймон двое суток перебирал корабль отсек за отсеком: залатал теплообменник кольцом из обрезков трубы и куском термоленты, перекинул нагрузку с убитой панели радиатора на живую, отключил всё, без чего «Сорока» могла обойтись в ближайшие сорок минут. Кира закрепила в медицинском модуле каждую мелочь, вплоть до горшка с луком. Моррен сидел в своём боксе, пристёгнутый, и, судя по тишине на его линии, не читал даже книгу.

– Вход в атмосферу через минуту, – сказал Боцман. – Карт поверхности у нас нет. Диспетчера нет. Посадочного маяка нет. Посадочный радар работает, оптический датчик работает. Из остального у нас есть Тим.

– Спасибо, – сказал Тим. – Очень трогательно.

– Это не комплимент. Это перечень оборудования.

* * *

Сначала было тихо. Потом за обшивкой зашептало – тонко, едва слышно, как ветер за окном. Шёпот рос, становился свистом, потом рёвом. Экран залило оранжевым: воздух перед носом «Сороки» раскалился и светился, как стекло в печи.

Корабль трясло. Не так, как в облаке обломков, – там удары шли по отдельности, тяжёлые и злые. Здесь тряска была ровная, бесконечная, проходящая по каждой переборке, каждому креплению, каждому зубу. Марк вжался в кресло и смотрел на цифры.

– Второй контур – семьдесят один, – сказал Боцман. – Семьдесят четыре.

– Эймон?

– Вижу, – отозвался Эймон по связи. – Пока нормально. Когда начнём тормозить двигателями – будет хуже.

– Насколько хуже?

– Посмотрим.

Рёв за бортом достиг высшей точки и начал спадать. Оранжевое свечение на экране поблёкло, сменилось серым – облака, – потом серое разорвалось, и Марк увидел внизу, далеко-

далеко, тёмную, ещё ночную землю. Над горизонтом на востоке тянулась тонкая полоса рассвета, рыжая, как остывающий уголь.

– Высота сорок километров, – сказал Боцман. – Скорость падает. Тим, плато прямо по курсу, двести двенадцать километров.

– Вижу.

Тим включил двигатели.

«Сорока» вздрогнула всем корпусом, как лошадь, которую дёрнули за повод, и Марка бросило вперёд на ремни. Корабль начал гасить скорость – медленно, с натугой, на трети мощности, которой едва хватало. Двигатели гудели не так, как обычно: ниже, тяжелее, с непривычной хрипотцой.

– Второй контур – восемьдесят, – сказал Боцман. – Восемьдесят три.

– Тим, – сказал Эймон. – Мне нужно, чтобы ты тормозил мягче.

– Если я буду тормозить мягче, мы проскочим плато.

– Если ты будешь тормозить так, у тебя через четыре минуты не будет двигателей.

Тим ничего не ответил. Марк видел, как пилот прищурился, глядя на экран, где внизу проносилась тёмная земля, и как его пальцы на рукоятках чуть-чуть, почти незаметно ослабили хватку.

– Делаю вот что, – сказал Тим ровно. – Мягче, но длиннее. Заходим не по прямой, а дугой. Над лесом, по ветру, он нам немного поможет. Получится лишних шесть минут в воздухе.

– Шесть минут – это много, – сказал Эймон.

– Это меньше, чем четыре.

Пауза.

– Давай дугой, – сказал Эймон.

Они пошли дугой. Под ними мелькнула река – широкая, серебряная в первом свете, с белыми бурунами на перекатах. Потом лес, тёмный, бесконечный, похожий сверху на мех какого-то огромного зверя. Солнце поднялось над горизонтом, и лес внизу вспыхнул – не зелёным, а густо-сине-зелёным, с бронзовыми искрами там, где лучи цеплялись за верхушки.

– Восемьдесят семь, – сказал Боцман.

– Плато, – сказал Тим.

Оно появилось впереди – широкая ровная площадка над рекой, покрытая чем-то низким и тёмным, похожим на мох или траву. С одной стороны обрыв к воде, с другой – стена леса. Марк видел, как растёт на экране зелёная равнина, как быстро, слишком быстро она приближается.

– Высота восемьсот, – сказал Боцман. – Шестьсот. Скорость снижения – девять метров в секунду. Многовато.

– Знаю.

– Девяносто, – сказал Боцман. – Второй контур – девяносто.

– Опоры, – сказал Тим.

Под полом глухо стукнуло – это вышли посадочные опоры. Марк вцепился в подлокотники. Внизу, совсем рядом, неслась тёмная трава, разлетаясь под выхлопом двигателей.

– Сто метров. Пятьдесят. Двадцать...

Удар.

Корабль ударился о землю всеми опорами сразу, и Марку показалось, что у него отрывается позвоночник. «Сорока» качнулась, накренилась – медленно, страшно, на левый борт, – и Марк увидел на экране, как поворачивается горизонт. Потом что-то под днищем протяжно, мучительно заскрежетало, и крен остановился.

Двигатели смолкли.

– Глушу, – сказал Эймон. – Всё глушу. Боцман, второй контур?

– Девяносто четыре, – сказал Боцман. – Падает. Девяносто. Восемьдесят шесть.

Тишина.

Марк медленно разжал пальцы на подлокотниках. Корабль стоял с лёгким креном на левый борт. Пол был наклонён – совсем чуть-чуть, но после стольких часов невесомости и половинного веса это ощущалось очень остро. Где-то в кормовой части что-то тихо потрескивало, остывая.

– Левая задняя опора, – сказал Боцман. – Погнута. Держит, но не полностью. Других повреждений при посадке не вижу. Экипаж и пассажир?

– Цела, – сказала Кира.

– Цел, – сказал Эймон.

– Цел, – сказал Моррен. И добавил, после паузы: – Благодарю вас.

Тим сидел неподвижно, всё ещё держа руки на рукоятках. Потом очень медленно отпустил их, положил ладони на колени и посмотрел на них, будто видел впервые. Руки дрожали.

– Тим, – сказал Марк.

– Опору я тебе должен, – сказал Тим, не поднимая головы. – Левую заднюю. Запиши.

– Ты мне ничего не должен.

– Тогда запиши, что я так сказал. – Тим наконец поднял глаза, и Марк увидел, что они блестят. – Я посадил корабль, Марк. На планету, которой нет на картах. Без вычислителя. На трети мощности. Я...

Он не договорил. Марк отстегнулся, подался вперёд и крепко сжал его плечо. Больше ничего не надо было говорить.

* * *

– Тихо, – сказал Боцман.

Это было через двадцать минут, когда все, кроме Моррена, собрались в рубке. Эймон пришёл с забинтованной рукой на перевязи и масляным пятном на щеке. Кира – с планшетом, на котором уже мигали первые показания внешних датчиков.

– Что тихо? – спросил Марк.

– Эфир. Я слушаю все диапазоны с той минуты, как мы вышли на орбиту. И сейчас, с поверхности, слушаю снова. Ни одного маяка. Ни одного радиосигнала. Ни одной несущей частоты. Никакого искусственного шума. Ничего, кроме природы: грозы где-то на юге, излучение звезды, магнитное поле. – Боцман помолчал. – В населённых системах эфир похож на рынок в праздничный день. Здесь – как в библиотеке ночью. Я такого раньше не слышал. Нигде.

– Тихо, – повторил Тим.

– Тихая, – сказала Кира. И сама, кажется, удивилась, что сказала это вслух.

Марк посмотрел на неё. Потом на остальных.

– Тихая, – сказал он. – Пусть будет так.

– Записываю, – сказал Боцман. – Планета Тихая. Название неофициальное, присвоено экипажем частного транспорта «Сорока» в первые сутки после посадки. – Он помолчал. – Если вам интересно, ваша планета – первая, которую назвали в мою смену.

– И как тебе?

– Мне нравится. Подходит.

* * *

Кира не дала никому выйти.

– Семьдесят два часа, – сказала она. – Это не обсуждается. Мы ничего не знаем об этом месте. Мы не знаем, что здесь в воздухе, что в воде, что в почве. Кислород – это ещё не значит, что здесь можно дышать. Я возьму пробы, посею культуры, посмотрю, что вырастет. До тех пор – только в скафандрах и только по необходимости.

– Семьдесят два часа – это трое суток, – сказал Тим.

– Местных – меньше. – Кира сверилась с планшетом. – Сутки здесь – около двадцати шести часов. Сила тяжести – девяносто три процента от стандартной. Давление – чуть ниже,

чем на корабле. Температура за бортом – плюс шестнадцать, к полудню обещает двадцать с чем-то. Кислорода двадцать процентов. Углекислого газа больше, чем мы привыкли, но в пределах нормы. – Она подняла глаза. – Это не значит, что можно снимать шлем.

– Никто не собирается снимать шлем.

– Тим, ты уже минуту смотришь на шлюз.

Тим отвернулся от шлюза.

Пробы брали через манипулятор у рампы – длинную механическую руку, которой обычно отцепляли стропы от контейнеров. Кира работала с ней сосредоточенно и долго: набрала воздуха в три колбы, срезала пучок тёмной травы, захватила ком почвы, опустила ведёрко в маленькую лужицу у опоры. Всё это она заперла в шлюзовом боксе медицинского модуля и только потом, через стекло, стала смотреть.

Эймон тем временем ушёл к рампе с другой стороны – туда, где в отдельной нише рядом с грузовым отсеком стоял Мул.

Мул был тягачом. Небольшая электрическая машина на шести широких колёсах, с открытой кабиной на двоих и откидной платформой сзади, которую можно было отцепить и превратить в прицеп. «Сорока» возила его с собой с первого дня – на окраинных площадках, где не было ни причала, ни погрузчика, Мул вытаскивал контейнеры по рампе на голый грунт и оттаскивал туда, куда указывал заказчик. Медленно, надёжно, без жалоб. Имя ему дал Тим. «Мул – потому что он упрямый и всё тащит», – объяснил он тогда. Эймон не возражал, хотя втайне считал Мула самой разумной машиной на корабле после Боцмана.

Он проверил всё, что смог проверить одной рукой. Аккумуляторы – целы, заряжены на две трети. Колёса – целы. Привод – цел. Ниша рядом с грузовым отсеком, где Мул стоял, не задело ни одним камнем в облаке, не повредило и при посадке.

– Живой, – сказал Эймон по связи. – Мул живой.

– Слава богу, – отозвался Тим. – Хоть кто-то на этом корабле цел целиком.

– Я цел целиком, – сказал Боцман.

– Ты цел наполовину. У тебя половина вычислителей спит.

– Это называется режим экономии. Не путай с инвалидностью.

* * *

Первым вышел Марк. Кира пошла с ним.

Не потому, что так было нужно, – нужно было только поставить мачту для аварийного передатчика и проверить погнутую опору снаружи. Это могли сделать Эймон и Тим. Но Марк сказал: «Я пойду», – и никто не стал спорить. Может быть, все понимали. А Кира сказала: «Я с тобой. Мне нужно посмотреть на траву вблизи», – и это была правда, но не вся.

Шлюз открылся медленно. Сначала была полоса света – яркого, тёплого, чуть рыжеватого, совсем не такого, как свет корабельных ламп. Потом полоса расширилась, и Марк увидел небо.

Оно было голубым. Не совсем таким, как в учебниках про Землю и не таким, как на центральных мирах, где он бывал: чуть зеленоватее, чуть бледнее, с перламутровой дымкой у горизонта. Высоко-высоко стояли перистые облака. Звезда – маленькая, оранжевая, – висела над лесом.

Рампа опустилась с мягким стуком. Марк спустился по ней на три шага и остановился у края.

Трава у его ног была тёмной, сине-зелёной, почти чёрной в тени корабля и бронзовой там, где на неё падал свет. Она была не похожа на траву – скорее на мох, плотный и пружинистый, с маленькими круглыми листочками размером с ноготь. В нескольких местах сквозь неё пробивались высокие стебли, увенчанные чем-то вроде белых шариков.

Марк сделал последний шаг с рампы.

Мох слегка подался под ботинком и тут же выпрямился, когда он перенёс вес. На том месте, где он стоял, остался лёгкий след – вмятина, повторяющая форму подошвы.

Он смотрел на этот след очень долго.

– Марк, – сказала Кира по связи. Голос был мягкий, почти смеющийся. – Ты дышишь?

– Что?

– Ты не дышишь. Секунд двадцать. У меня твои показатели на экране.

Марк выдохнул – и засмеялся. Смеялся он долго, в шлеме, глядя на свой собственный след на мху. Кира спустилась по рампе и встала рядом. Помолчала.

– Это первый след человека на этой планете, – сказала она.

– Я знаю.

– Нет, ты не понял. – Она повернулась к нему, и он увидел за стеклом шлема её лицо: серьёзное, но с улыбкой в уголках губ. – Не первый на этом плато. Не первый в этом лесу. Первый вообще. На всей планете. Никто до тебя здесь никогда не стоял. – Она помолчала. – Теперь иди и сделай что-нибудь полезное. А я займусь травой.

Она опустилась на колени и стала резать мох маленькими ножницами, складывая кусочки в контейнер. Марк постоял ещё немного, глядя на неё, а потом пошёл помогать Эймону и Тиму ставить мачту.

* * *

Мачту поставили к полудню. Это была обычная складная антенна, которую Эймон снял с кормы, усилил двумя растяжками и закрепил в трещине скалы у края плато, там, где обрыв уходил к реке. На верхушку он прикрутил аварийный передатчик – маленькую коробку с батареей и короткой антенной.

– Будет кричать, – сказал Эймон. – Каждые десять минут. Всем, кто слушает. «Сорока», авария, координаты, нужна помощь.

– Кто-нибудь услышит?

Эймон пожал здоровым плечом.

– Мощности хватит на пару световых месяцев. До Предела – больше. Если кто-то будет пролетать мимо и слушать – услышит. Если нет... – Он замолчал. – Это не надежда. Это то, что мы можем сделать.

Тим стоял у края обрыва, глядя вниз на реку. Река была широкой и быстрой, серебряной на солнце. На другом берегу снова начинался лес – бесконечный, сине-зелёный, уходящий до самых гор на горизонте. Горы были высокими, со снегом на вершинах. За ними, далеко на востоке, где-то за двести километров, лежало серое. Отсюда его не было видно.

– Я составил карту, – сказал Тим. – По записи спуска. Боцман помог. Не всё, конечно, только то, что видели с высоты. Река, плато, лес, горы. Пятьдесят километров вокруг. Дальше – как на схеме у Предела: пустое поле.

– Покажешь?

– Вечером. – Тим посмотрел на горы. – Знаешь, о чём я думаю? Мы первые люди, которые видят эти горы. Ни у одной из них нет имени. Ни у реки. Ни у этого обрыва. Можно назвать всё, что угодно. Всё, что видишь.

– И как назовёшь обрыв?

– Пока не знаю. – Тим чуть усмехнулся. – Может, «Опора, которую я тебе должен».

– Длинновато.

– Тогда просто – Опора.

* * *

Моррен весь день провёл у окна в кают-компании.

Он не просился наружу. Когда Марк, вернувшись с мачты, сказал ему, что выходить пока нельзя – карантин, Кира не разрешит, – Моррен только кивнул и сказал: «Конечно. Доктор права». Больше он ни о чём не просил. Он сидел у окна с бумажной книгой на коленях и

смотрел на плато, на лес, на мачту с передатчиком, на далёкие горы. Книгу он не открыл ни разу.

Марк несколько раз проходил мимо и каждый раз видел одно и то же: прямая спина, спокойное лицо, неподвижный взгляд. Как будто пассажир не просто смотрел, а запоминал. Каждое дерево, каждую тень, каждый изгиб реки.

Под вечер Марк остановился рядом с ним.

– Красиво, – сказал он.

– Да, – сказал Моррен. – Очень.

Он помолчал. Потом, не отрывая глаз от окна, спросил:

– Капитан. Вы когда-нибудь задумывались, как выглядит место, где никогда не было людей? Не пустыня, не космос. Место, где есть жизнь, есть вода, есть небо, но никогда не было нас. Ни одного голоса. Ни одного следа. Миллионы лет.

– Сегодня впервые, – сказал Марк.

– И как?

Марк посмотрел в окно. Плато. Лес. Мачта на краю обрыва, тонкая, как спичка. Корабль с погнутой опорой, стоящий с лёгким креном. И его собственный след на мху у подножия рампы – Кира отметила его маленьким оранжевым флажком на палочке, «для науки», как она сказала.

– Тихо, – сказал Марк.

Моррен чуть улыбнулся.

– Да, – сказал он. – Тихо.

* * *

Ночь пришла быстро. Солнце ушло за лес, небо из зеленовато-голубого стало лиловым, потом тёмно-синим, потом почти чёрным. Высыпали звёзды – незнакомые, в непривычных рисунках созвездий. Луны у Тихой не было.

Они все собрались в кают-компании у большого окна. Никто их не звал. Просто как-то так вышло, что к девяти вечера по корабельному времени все пятеро оказались здесь – Марк, Тим, Эймон, Кира и Моррен, – с кружками чая, в полутьме, глядя наружу.

Сначала было темно.

Потом в лесу загорелся свет.

Сначала одна точка – бледная, голубовато-зелёная, где-то в глубине, между стволов. Потом вторая, рядом. Потом десяток. Потом сотня. Свет разгорался медленно, как будто кто-то зажигал в лесу фонари, один за другим, неторопливо, без спешки. Скоро весь край леса, насколько видел глаз, светился – мягко, ровно, переливаясь от голубого к зелёному и обратно.

– Биолюминесценция, – сказала Кира. Голос у неё был тихий, почти шёпот. – Это... это просто биолюминесценция. Химия. Как у светлячков или глубоководных рыб. Это нормально. Это...

Она замолчала, потому что свет начал двигаться.

Не весь. Только часть. По краю леса, справа налево, медленно прошла волна – светлее, ярче, – как будто кто-то провёл рукой по струнам. Волна дошла до края видимого, погасла. Через минуту прошла вторая, обратно, слева направо.

Никто не сказал ни слова.

Потом, сквозь толстое стекло окна и корпус корабля, они услышали звук. Тихий, низкий, протяжный. Не крик и не песня – что-то среднее, похожее на гудение огромной струны. Он шёл из леса, из глубины, и длился, наверное, полминуты. Потом стих. Потом откуда-то издалека, с другого берега реки, ему ответил другой такой же.

– Боцман, – сказал Марк очень тихо.

– Слышу, – сказал Боцман. – Записываю. Частота – около сорока герц. Источник – биологический, судя по всему. Не искусственный. Не механизм.

– Ты уверен?

– Нет, – сказал Боцман. – Но я уверен, что это не радио. В эфире по-прежнему тихо.

Свет в лесу переливался. Звук повторился ещё раз, с другой стороны, и ему ответили уже двое.

Тим поставил кружку на подоконник.

– Значит, Тихая, – сказал он негромко. – Ну-ну.

Кира стояла рядом с Марком, так близко, что он чувствовал тепло её плеча. Она не отодвигалась. Он тоже.

– Здесь никогда не было людей, – сказала она, глядя в лес. – Миллионы лет. А они всё это время зажигали свет. И пели. И никто не слышал.

– Теперь слышим мы, – сказал Эймон.

Моррен ничего не сказал. Он стоял чуть в стороне, у края окна, и Марк видел в полутьме его профиль – спокойный, неподвижный, освещённый голубоватыми отблесками из леса. Но взгляд Моррена был направлен не на лес.

Он смотрел на восток. Туда, где за рекой, за лесом, за горами, где-то в темноте лежало серое, на котором не горело ни одного огня.